

18+

КОМПА БОРДУПИНА

ИЗ

ДОМА

ДОМОЙ

Кира Бородулина

Из дома домой. Роман-коллаж

«Издательские решения»

Бородулина К.

Из дома домой. Роман-коллаж / К. Бородулина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-627684-0

В тридцать пять женщина, наконец, понимает, что чуда не будет, хотя до сего момента упорно ждала его. Однако с Богданой чудо все-таки случается: на остановке она встречает своего первого возлюбленного, которого не видела больше десяти лет. Оба осознают, что старые чувства нахлынули с новой силой и зрелостью, а причину расставания уже никто не помнит. Так ли просто преодолеть десять лет разлуки? Легко ли отместить все, что случилось за эти годы и начать с чистого листа?

ISBN 978-5-00-627684-0

© Бородулина К.
© Издательские решения

Содержание

Май-2020	6
2007	8
2002	9
2020	11
2002	18
2020	22
2003	25
2020	27
2002	30
2020	33
2005	37
2020	41
2003	45
2020	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Из дома домой Роман-коллаж

Кира Бородулина

*Сколько дорог ведет из дома домой —
Об этом лишь Бог знает...
гр. Сплин, «Иди через лес»*

Корректор Маргарита Федина
Дизайнер обложки Кира Бородулина

© Кира Бородулина, 2024
© Кира Бородулина, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-7684-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Май-2020

Прошлое превратилось в грустные воспоминания, а будущее из надежды стало угрозой. Неужели так выглядит жизнь без иллюзий? Так выглядит зрелость.

Мы с отцом ходим по пыльному кафельному полу моей будущей квартиры. Смотрю на яблочно-зеленые обои кухни и в который раз спрашиваю себя – не слишком ли едкий цвет?

– Не, нормально, – отвечает отец.

Значит, только в моих глазах рябит. Успокаиваю себя тем, что мебель будет нейтральной: верх кухни бежевый, а низ – капучино.

Отец говорит об уголках, затирках и дверных петлях. Без него я не справилась бы с этим всем. Я ничего ни в чем не понимаю. Я с трудом представляю здесь жизнь, меня не заводят приятные женские хлопоты вроде выбора штор и покупки декоративной ерунды. Я не ведаю, на что буду есть и чем платить за коммуналку. Точно дорогую – уже сейчас, пока здесь не живу, а ведь еще электроплита и консержка...

– Ну, ванна просто шик! – восклицает отец.

Джакузи ему подарил босс, которому его тоже кто-то подарил. Больше двух лет огромное корыто валялось в его огороде. Ванная пять квадратов, подарок пришелся ко двору. Много лет назад Слава снял номер с джакузи, спустив на это все деньги, и мы провели там шикарные выходные. Теперь это корыто напоминает о человеке, которого давно нет рядом, и о той мне, которой я больше не стану. Как, должно быть, тоскливо лежать в такой ванне одной! Зато сэкономили на сантехнике – в нашем случае это существенно.

– Балкон получился отлично, как отдельная комната, – и папа рассказал о том, какие они бывают в этом доме. Он уже прокатился на четырнадцатый и семнадцатый этажи, познакомился с мужиками, которые делают ремонты там, и все осмотрел. Его общительность я не унаследовала, зато бережливость и умение рассчитывать время – точно.

Жаль, это относится лишь к часам и минутам, а не к жизни. Я думала, она у меня впереди, а через неделю мне исполнится тридцать четыре. Ни семьи, ни карьеры, и квартиру купила, конечно, не я. И на ремонт пока идут папины деньги. Своих дай Бог на мебель и технику наскрести.

– Когда поедем за стиралкой? – спрашиваю, проводя рукой по обоям в прихожей. Кирпичные, шелковистые. Думала, получится интерьер «мечта доярки», но в итоге вышло неплохо. Может, у меня и впрямь есть вкус и целостное видение?

– Погоди, дай с работягами рассчитаться.

– Да на мои же...

Молчит. Мои скромные достижения всегда обесцениваются. Одно время я дулась на отца за то, что ему нравилось заставлять меня чувствовать себя ничтожеством. Теперь мне все равно – пусть делает, что хочет, лишь бы жил подольше и был здоров.

Странная тишина для такого дома. Двадцать два этажа, на каждом – десять квартир. Шумоизоляцию сделали на одну стену в спальне и на противоположную на кухне. По десять сантиметров украли от моих площадей, но оно того стоило.

Все-таки интересно, как люди продумывают интерьер, обращаясь к дизайнеру? Неужели нет у них благодушных родственников и желания сэкономить? В моей комнате в родительском доме под боком современного гардероба пригнулся полуразвалившийся книжный шкаф из гостиной бабушки, а кровать приплыла в неполном виде из родительской спальни. Лысеющий бордовый ковер на полу и исполинское верблюжье покрывало, которое покойная бабушка берегла кому-нибудь из внучек в приданое. Сестра сходила замуж за двоих, а покрывало досталось мне – для нее оно слишком архаичное.

А подарочки? К примеру, подруга привезла мне из Барселоны картину Саграда Фамилия, к которому я никаких трепетных чувств не испытываю, но придется повесить. И куда? Хотела сделать коллаж из своих фотографий, но не знаю, получится ли технически и не сожрет ли меня полная апатия.

– Ну что, пойдём? – отец открывает входную, «под дерево» дверь, и мы ступаем на серый кафель общественного коридора.

2007

Мне двадцать один, я закончила студенческую практику, но занятия толком не возобновились. У меня плеер-флешка на пятьсот мегабайт, которых хватало за уши. На мне футболка сорок восьмого размера с символикой «Арии» и невнятные серые джинсы. Я еду в пыльном пазике и люблюсь девушкой, которая тоже на фифочку не тянет, но при этом выглядит очень мило в белых кроссовках, черных джинсах и бордовой кожаной курточке. У нее заплетенные колоском косички и простой рюкзачок. Вполне ведь в моем стиле. Почему я не могу быть такой милой, хрупкой и женственной? Почему меня до двадцати пяти лет путали с парнем? В подростковом возрасте мне это нравилось, в юности стало забавлять, а потом – раздражать. У меня же тонкие руки и приятный голос, неужели вы видите только рост и средней длины волосы? Как я хотела отрастить их! Но они секлись и выглядели неряшливо.

– Да забей ты на это! – говорил Славка, с наслаждением теребя мои в очередной раз остриженные кудряшки.

Тогда мы еще были вместе, но отношения наши вошли в такую фазу, когда их надо либо срочно реанимировать, либо прекращать.

Той весной у нас было много музыки – я наконец-то научилась общаться с сокурсниками, и они снабдили меня скачанными из локальной сети Savatage, Shaman, Sentenced, Heavenwood. Славка цеплял у друзей-пиратов Trail of Tears и Black Label Society. Мы по-прежнему лежали на полу в моей или в его комнате, задрав ноги на стену и слушая. Молча. Часами. Или на крыше лежали голова к голове на стальных листах ограждений и говорили. Раньше не могли наговориться, но в тот год разговоры увяли. Он уже отучился, для него началась взрослая жизнь с окладами, зарплатами, поиском жилья. Все для нашего блага, для совместного будущего. О свадьбе мы заговорили после первого секса. Оказалось, это ужасно неудобно – прятаться, делать вид, что мы все еще дети, выгадывать момент или тратить кучу денег на номер с джакузи.

– А знаешь, как изначально называлась «Саватаж»? – спросила я.

– Ммм?

Вряд ли он меня слушал. Постоянно крутил в голове что-то свое. Пугающее, про Москву.

– «Аватар». Как племяш мой слова коверкает – вместо «кастрюля» – «атю».

Он сказал, что теперь группа называется «Боль Джона Оливы», потому что после смерти брата Криса Оливы «Саватаж» распался. Я не знала.

Я чувствовала, у нас не будет своего гнездышка. Я не буду ждать его с работы с готовым ужином. Мне больше не с кем будет поговорить о музыке. Или послушать поезда на вокзале, соловья в лесу, или полюбоваться плаваньем облаков на крышах. Я видела об этом сны, ощущала вкус потери в подступающих слезах, но гнала прочь эти чувства. В любых отношениях бывают охлаждения, это надо пережить. Виноваты оба, не только я. Все будет хорошо, все просто будет...

Еще год института, а потом я найду, о чем рассказывать ему. Но...

– Знаешь, я так не хочу, – я замялась, – я боюсь этой взрослой жизни.

Он нашарил мою руку и крепко сжал ее. От этого стало легче и спокойнее.

– И не напрасно. Хотя, на второй взгляд все не так страшно.

Мы рассмеялись. Мы по-прежнему понимаем друг друга с полуслова.

2002

Мы познакомились, когда мне было шестнадцать, а Славе девятнадцать. Его друг недавно встретил девушку, а я оказалась ее знакомой, вот они и решили нас свести. Пошли вчетвером в кино, а потом сидели в кафе с деревянной мебелью из «Икеа», которая шумно ползала по кафелю.

Слава и Рома учились на третьем курсе биофака, а мы с Марго были еще школьницами. Она тоже похожа на парня, к тому же носила очки. Они с Ромой выглядели как брат с сестрой (хотя Рита брюнетка, а Рома блондин...) и кажется, просто обожали друг друга. Они до сих пор вместе, вырастили троих детей и, быть может, это не предел. Мы с Марго могли бы больше общаться, если бы ее постоянно не занимал Рома. Сейчас мы видимся чаще, чем тогда.

Мы со Славой не запали друг на друга с первых взглядов. Так, снисходительно отнеслись к идее друзей о совместном времяпрепровождении, но почему-то не сказали: ребят, на будущее – ходите на свиданки вдвоем. Слава иногда звонил – тогда звонили на домашний и висели на нем часами, без всякого повода. Просто поболтать. Или спросить, есть ли у меня такая-то кассета, слышала ли я такую-то группу, читала ли такую-то книгу.

– Может, сходим на «Сплин»? – предложил он ближе к осени. – Эти не хотят – Васильев располсел, и дорого слишком. Но я могу без билетов проташить кого-то одного. Как ты?

Волнительно. На халяву мне еще не доводилось бывать на концертах. Некоторые мои знакомые так делали, но походами это назвать трудно: они бессовестно уламывали билетерш и попадали уже на конец мероприятия. Зато потом всем рассказывали, какие они крутые.

Васильев и впрямь располсел с этими «Новыми людьми», но будет же он играть и старье! К тому же филармония, звук шикарный.

– Давай попробуем.

– Оденься понезаметнее, – инструктировал меня халявщик, – никаких толстовок и футболок с «Арией», говнодавов и цепей – чем проще, тем лучше.

Слава ждал меня у входа в филармонию – в серых джинсах и джинсовой куртке, в кожаной бейсболке, из-под которой торчали темные кудри. Мы практически одного роста и кудри у него такой густоты, что невольно приходит мысль: с возрастом облысеет. Я заранее грущу о нашем будущем.

– Пойдем, там у меня знакомая тетка работает, но точно к началу смысла нет. Пусть минут пятнадцать поиграют, иначе будет видно, что нам сесть негде.

Знакомая его – обычная толстая тетка в очках и с короткой стрижкой. Пропустила нас, будто ждала. В зал мы не сразу вошли – надо было подождать, пока уйдет контролерша. Но мы отчетливо слышали песни из «25-го кадра» и «Гранатового альбома». Конечно, пресловутые «Новые люди» и «Мое сердце», но настоящим подарком стало «Скоро будет солнечно» – мы как раз вошли в темный зал и притаились на ступеньках, не решаясь пройти вглубь.

– Стой, стой! – шикнула я. – Это с «Фонаря», я ее очень люблю!

– Помню, помню, – Слава остановился и всю песню будто не дышал.

Каждую новую песню мы продвигались буквально по ступеньке. Потом отважились спуститься по проходу и к концу концерта почти добрались до сцены. Однако публика была такой тошнотворно попсовой, что все сидели и, если бы мы решили оторваться, как на металле или на панках, нас бы точно заметили, а этого мы еще опасались.

Когда все закончилось, мы смешались с толпой и благополучно покинули здание, полное девочек-подростков в разноцветных «каamelотах» и банданах.

– Спасибо, Слав, это было очень прикольно! – рассмеялась я.

– Самому понравилось. Давай чайку дернем?

В том же кафе со сводчатыми потолками, где раньше было овощехранилище. Черный чай с пирожным «абрикос». Мой спутник настаивал, что ему положено угостить девушку и даже не думай возражать.

– Признаться, я тебя иначе представлял по Ромкиным рассказам.

От парней тактичности не жди, это я уже понял.

– И какой же?

– Ну типа его Ритки.

Я пожала плечами: логично, а что не так?

– Ты другая. Не такая пацанистая что ли, женственная.

Это я-то? Вот уж правда, красота в глазах смотрящего. В то лето я коротко подстриглась – не планировала, так получилось. Мы с парикмахершей друг друга не поняли, но со временем я привыкла к новому имиджу.

– Дан, тебе не десять лет! – говорили мне женственные одноклассницы. В те времена короткая стрижка, лифчик и собственная косметика были своего рода инициацией, посвящением в девушки. До четырнадцати лет все ходили в джинсах, олимпийках и с длинными волосами, собранными в хвост. От всех пахло жвачкой и потными носками. В шестнадцать гадкие утята начинали расцветать и источать другие ароматы.

– И имя у тебя необычное, мне нравится, – я до сих пор помню блеск его глаз и улыбку – такую нежную и теплую, будто он пробовал на вкус каждое слово, и оно оказывалось приятно-сладким.

– А я тебя никак не представляла, – я решила ответить откровенностью на откровенность, – вместо меня должна была пойти Аня – наша общая с Марго подруга, но она не смогла. Вот она мне и позвонила, попросила спасти положение. У меня не было планов на вечер, так что...

Он рассмеялся. Я думала, его это уязвит, но парней не поймешь.

– Смешно, от чего иногда зависит жизнь!

Он не спросил, какая эта Аня, что он потерял. Кажется, после того концерта мы оба что-то приобрели.

Проводив меня домой, он чмокнул меня в щеку и сказал:

– До связи.

2020

Перенесемся в наши дни, когда свирепствует пандемия, но еще более свирепой оказалась паника, которая страшнее всех болезней. Магазины закрылись, на работу мало кто ходит, а кто может, работает из дома. По улицам ходят в масках и в резиновых перчатках, как мафиози. Особенно смешно в капюшонах.

– Я не могу это носить, у меня очки потеют, – говорила Рита.

Я вижу с ней, когда она выгуливает младшего сына. Ему семь лет, и он сильно поправился в режиме домоседства. На детскую площадку они не ходят, но торчат даже в частном доме с тремя детьми больше месяца тяжело.

– Как там твои пенаты? Скоро переезжаешь? – спросила Рита.

– Еще двери не повесили. Купили какие есть, не до жиру. Но к одной не было наличника, к другой – ручки... Короче, беспредел.

Этим занимается отец. Он уже сон потерял с моим ремонтом, а я, собираясь утром на работу, прислушиваюсь к звукам из их комнаты. Храпят – хорошо, нет – уже тревожно. Порой мне кажется, я хочу сбежать от чувства страха. От запаха старости, который стал появляться в нашей квартире.

И вот миру напомнили, что он смертен. Мы опять стали заботиться о стариках. Сокрушились идолы цивилизации – вера в деньги и государство. Человек стал таким, каким и задуман – нагим, беспомощным и пугливым. Уповающим только на Бога, потому как остальное оказалось бессильным против банальной бактерии.

– Тревожное время, ничего не радуется... – впрочем, мне грех жаловаться.

– Не говори! Вообще непонятно, как жить!

Рита вешается от дистанционного обучения старших детей и тихо звереет от Роминой нервозности. Он – химик-технолог и его завод стал. Что, если он потеряет работу? В такие моменты радуешься, что одна, и детей нет.

– Славка пишет, из Москвы даже не выпускают. Там вообще концлагерь.

Она редко заговаривает о нем, хотя столько лет прошло... Сам факт присутствия Ромы и Риты напоминает о нем, о нашей юности, о возможности другой жизни. Они не говорят о его женщинах, работах и планах. Я не видела его в их соцсетях, не интересовалась у Ромы, как он и что с ним. Чем дальше в жизнь, тем больше сожалений и сослагательных наклонений.

– Брехня это, – отмахнулась я, – у меня там подруга работает, говорит – выпускают без проблем, просто проверяют.

Рита пожала плечами.

Через неделю мне тридцать четыре. Я не люблю свой день рождения. Зачастую мне этот день портили то друзья, то родня, поэтому я объявила, что больше его не отмечаю. В двадцать один был последний раз, когда мои подруги потеряли купленный вскладчину подарок и опоздали к столу на час. Меня то забывали поздравить, то путали, когда это надо делать – днем раньше или позже, то опаздывали, то требовали накрыть поляну за внимание и подарки. Хватит с меня. Мы ужинали с родителями, ходили куда-то с сестрой, сидели с каждой подругой отдельно. В соцсетях я не писала дату рождения и, оказалось, что помнят ее только учителя. У современного человека мозги в кармане.

Слава поначалу звонил мне, даже когда наши отношения сошли на нет. Из короткого звонка вытекал разговор на полтора часа. Потом на час, а со временем он перестал звонить. Наверное, он больше не один – как теперь поговоришь? Рома и Рита молчат как партизаны, а я не любопытствую. Моя юность – словно бумажный самолетик. Я верю, что где-то он еще летает, что его не размочило дождем, не опалило костром, что его не склевали птицы и не подбили вражеские ВВС. Я просто больше не вижу его. Иногда до меня долетают отголоски его полета

в любимых песнях или во взглядах друзей, но я не хочу верить, что его больше нет. Мои глаза потухли.

В этом году я и рада бы отметить день рождения – у меня вышла книга. Я хотела отпраздновать это в творческих сообществах, с друзьями, на курсах немецкого. Но публичные собрания запрещены, все боятся и отскакивают, стоит кому чихнуть. Зачем напечатала тираж? Куда я его дену?

Только научишься жить и общаться, как настает пора интровертов и мизантропов. Такое бы лет десять назад – жизнь никак не изменилась бы.

Как же мы снова встретились со Славой? Как бы сказал обыватель, случайно. Пожалуй, даже нелепо. На остановке.

Восемь часов вечера, май. Я ехала с работы, а работали мы во время карантина с десяти до семи. Я оставалась сверхурочно, потому что работать некому. Компенсации можно не ждать, но это отдельная тема.

– Дана?

Я повернулась на зов. Хорошо, не успела заткнуть уши музыкой! Какое-то время всматривалась в лицо мужчины, окликнувшего меня. Оно показалось до боли знакомым, если бы не козырек кепки.

– Слава?

Он кивнул и улыбнулся. Дальше все как обычно: какими судьбами, чем занимаешься, что здесь делаешь?

– Да я... – он развел руками и замялся, – к маме приехал. В Москве ужас что творится, решил, лучше здесь пока побуду. Я ведь могу работать из любой точки мира.

– Счастливчик! – на самом деле никакой зависти я к таким людям не чувствовала. Путешествия не были моей страстью, а слоняться по дому в пижаме, с вечной кружкой чая быстро надоедает.

– Может, посидим где, поболтаем? Ты спешишь?

Я не из тех, кто после работы ходит на три свидания, но где посидеть в такое время? Кафе закрыты, а по городу якобы патрулирует полиция, штрафует людей без масок и тех, кто старше шестидесяти пяти. В маске мы бы точно друг друга не узнали.

– Тогда давай возьмем в спаре кофе и посидим в моей машине, – предложил он.

Так мы и поступили. Как он попал на остановку, я не спросила.

Думала, после стольких лет разлуки нам и говорить будет не о чем. Переберем общих знакомых, коих кроме Риты и Ромы почти нет, обсудим их новости и детишек, перетрем работу и коллег, вспомним, кто куда ездил в отпуск и поделимся планами... вот и все. И то осторожно. Разве говоришь о таком с близкими людьми? Впрочем, мы уже двенадцать лет как не близкие, а индикатором этой удаленности как раз и становятся подобные беседы – о новостях, семье и работе.

Мы редко говорили об этом, когда были вместе. Об этом друг у друга мы просто знали.

Мы сели в его просторный «фольксваген», стараясь не расплескать кофе в невразумительных пластиковых чашечках из кофейного автомата, и на какое-то время замолчали. Вот сейчас он скажет: ну рассказывай, что нового, – думаю я, – и это начало конца. Хотя, какого конца?

– Да, не так я представлял себе нашу возможную встречу, – он усмехнулся, сделав глоток.

– А ты представлял? – удивилась я.

– Не менее сотни раз. А ты нет?

Что тут скажешь? Зачем было представлять – ведь все и так ясно? Однако если я скажу, что никак себе нашей встречи не представляла, он обидится. Пусть в подобных представлениях смысла не было и никогда не бывает, разум в делах сердечных – плохой помощник.

– Я... не знаю, – не придумав ничего лучше, протянула я.

– Всегда любил тебя за честность! – он рассмеялся.

Я скучала по его смеху. Слыша такой, невольно начинаешь улыбаться, а потом и хохотать. Он совсем не изменился.

– Где ты сейчас? – спросил он.

– В смысле, живу или работаю?

– Во всех смыслах.

Я начала мямлить что-то о своей невразумительной жизни, которая должна была вот-вот измениться к лучшему, но как грянула эта чума, так все стало безразлично.

– Не надо так, все образуется, – странно слышать такие слова от конченого пессимиста, – как прежде уже не будет, но ты же творческий человек, найдешь новые возможности.

Откуда он знает, что я творческий человек?

– Оказалось, Яндекс о тебе знает больше меня, – усмехнулся мой собеседник, – я однажды спросил у него, где моя любимая, и он мне такое выдал! Ты теперь настоящий писатель! Поздравляю и горжусь тобой.

Настоящий... да нет, игрушечный. Именно. Самое подходящее для меня слово. Я играю, со мной играют и масштабы у меня такие – игрушечные. И тиражи, и публика

– Зная тебя, я бы удивился, если бы мир массово сошел от тебя с ума. Смирись. Ты не для всех, но главное – найти своих. Не за этим ли мы все делаем?

Я усмехнулась. Вот ведь как бывает: не видел человека больше десяти лет, а будто и не расставался. Вы оба ощутимо изменились, но друг для друга остались теми же. И это так успокаивает в водовороте житейских страстей...

– Я даже купил твою первую книгу и прочел ее за два дня.

У меня перехватило дыхание. Вот уж кого я не хотела бы видеть в своих читателях, так это людей, которые слишком хорошо меня знают. Гораздо легче открыться абстрактному человечеству, чем конкретному индивиду.

– И как тебе?

– Сильно, – помолчав несколько секунд, ответил он, – сначала я хотел верить, что это не автобиографично, но потом... не помню точно, когда сомнения исчезли. Душа настолько обнажена, будто подслушиваешь чужую исповедь. Критиковать такое невозможно. Сказать, что такой тебя я не знал – ничего не сказать.

– Такой ты и не мог меня знать, я сама себя такой не знала.

– Он все еще важен для тебя?

Как это для него типично – разводить патоку, а потом ррраз! И прямо в лоб.

– Нет. Я выжала из него все соки.

Опять смех.

– Надо признать, персонаж занятный. Другой бы тебя вряд ли заинтересовал, конечно.

И вряд ли другого заинтересую я.

– Правда, знаешь, что мне показалось, – Слава посмотрел в лобовое стекло, за которым вяло по сравнению с обычным ритмом суетился вечерний город, – мне показалось, ты изрядно все проползла. То ли выкинула что-то важное и глубокомысленное, от чего твой читатель получил бы тонкое удовольствие. То ли что-то не договорила. Не знаю, как сказать, надеюсь, ты поняла меня.

Я кивнула, проследив за его взглядом. Картина напоминала мне фото в ежедневнике деда за 1985 год: главный проспект нашего города и штук пять машин – «москвичи» и «жигули», яркий солнечный день.

– Знаешь, сейчас есть такое авторитетное мнение, что, если книга не цепляет в течение двух минут – можете сжечь манускрипт. Редактор получает ежедневно по тридцать рукописей, поэтому его зацепить надо еще быстрее. Вот я и пыталась кому-то понравиться, как размалеванная малолетка на сельской дискотеке.

– Дан, – Слава скорбно выдохнул, – неужто мне надо тебе рассказывать, что эта теория не работает? Не все люди цепляют за тридцать секунд, не всякая музыка! Даже больше скажу: почти все мои друзья – это люди, о которых в первую минуту я подумал: так, ничего особенного. То же и с песней. Те, что пленяют сразу, тут же забываются, второй раз слушать не будешь, а те, на которые внимания не обратил, в нужный момент при нужном настроении что-то делают с тобой...

Я вздохнула. Действительно, мне этого объяснять не нужно. С двадцати до тридцати я игнорировала этот мир, а после тридцатника вдруг решила ему что-то доказать и выпросить свою порцию любви.

– Ты же как человек такая – не сразу раскрываешься в общении и далеко не со всеми. Неужто в книге такого автора на первой же странице должны быть погони и перестрелки?

– Как раз экшн в первых сценах лишний, – усмехнулась я, бросив взгляд на стереосистему. Наверное, она хорошая, но Слава не включал ее, что в наше время считается знаком особого уважения к собеседнику.

– Мне было интересно сразу. Слог затягивает. Я и не подозревал, что ты можешь так писать.

Я объяснила, что в двадцать лет точно не могла. Иной раз перечитать невозможно, что тогда писала. Но не отвертись – есть документальные свидетельства моей бездарности, глупости и пустословия.

– Тебе было интересно потому, что ты меня знаешь.

Он согласился.

– Вот о чем мы говорим, а? Как жизнь, как семья? Вечно у нас все не как у людей, – я уже устала смеяться.

– Глоток свежего воздуха. Думал, такого в моей жизни уже не будет...

Детская корзинка, полная аудиокассет. Их давно негде слушать, а все, что на них записано, есть в mp3. Кипелов-Маврин «Смутное время». Анютик подарила на мой шестнадцатый день рождения. Неужели прошло уже восемнадцать лет? Это был один из лучших дней в моей жизни. Мама подарила мне футболку с лицами «арийцев» и рюкзак-мешок с их же символикой. Сейчас смотришь фотографии своих знакомых и подруг в соцсетях – «дочке шестнадцать лет» – видишь юных фей в воздушных платьях, на лицах еще не проступил характер, но молодость сама по себе прекрасна.

– Продавщица думала, я для сына покупаю, очень удивилась, когда узнала, что для дочери, – смеялась мама, вручая мне подарки.

Тогда меня это даже радовало. Рокеры считались интеллектуалами, а мальчики умнее девочек. Чем интересовалось большинство одноклассниц? Шмотками, косметикой и парнями. Они научились всем женским штучкам уже в четырнадцать, а я в тридцать четыре не умею строить глазки.

– По тебе видно, что тему отношений ты вычеркнула из своей жизни, – сказал один знакомый.

А ведь я не стала синим чулком или бесполой училкой. Даже наоборот – по сравнению с теми шестнадцатью годами я хотя бы научилась носить платья и делать макияж.

И все-таки там было хорошо. Там были друзья и много музыки, но главное – там была надежда на лучшее. Вся жизнь впереди и, конечно же, все у меня сложится хорошо, и в любви повезет, и в игре. А в итоге...

Мы с Аней отмечали мое шестнадцатилетие одни. Сразу поставили в центр кассету и обалдели от первых же аккордов.

– Такое гранжевое звучание, совсем не «Ария»! – помню, сказала подруга.

Голос Кипельча звучал так чисто и свободно, как ветер, как пение соловья после дождя. У меня было что-то на столе, но мы не могли оторваться от прослушивания и пойти на кухню трапезничать. По крайней мере первую сторону дослушали. Алкоголя в нашей жизни еще не было, и он нам не требовался. Хватало кока-колы.

Перед тем как послушать вторую сторону, мы зашли ко мне в комнату. На письменном столе лежал лист с моим стихотворением «Русский воин», которое казалось мне тогда вершиной литературного мастерства. Сейчас не найти даже пепла, хотя отец сказал: сыровато. Анна попросила разрешения прочитать, а мне с одной стороны хотелось похвастаться, с другой было страшно открыться.

– Да ты что, Дан! За такие стихи полжизни отдать!

Аня очень переживала, что не могла влюбиться, не писала стихов, и вообще была какой-то ненормальной. То, что мы были не как большинство девочек нашего возраста, нас мало заботило, но у нас была своя нормальность. Негласный «арийский» кодекс, который не позволял врать в глаза, юлить и избегать работы мысли. Видимо, стихоплетство приравнивалось к такой работе, хотя мне в ту пору в это не верилось. Стихи лились сами собой, я была только радистом. Уж не помню, почему я почувствовала облегчение, поделившись с подругой. Наверное, надоело ныкать блокноты, строчить, прикрывшись тетрадным листом, будто делаю что-то предосудительное. Уже год я буквально дышала стихами, но считала это делом несерьезным и поделилась только с сестрой – и то, когда она наткнулась на мой блокнот. Разумеется, у нее в моем возрасте было все то же самое, бла-бла-бла. Хотелось, чтобы я больше с ней говорила, скрытная ты наша. До сих пор на подкорке записано убеждение, что мои мысли, мои слова, моя жизнь никому не интересны. Поэтому я и пишу – чтобы сделать их интересными не двум-трем друзьям или членам семьи, а большому кругу. Комплекс.

*Ты русский воин и ты не один,
Ты строишь мир из забытых руин
И не даешь никогда никому
Даже займы души свою.*

Мы сидели у меня на балконе. Там обитая дерматином лавочка, и Аня всегда занимала большую половину, привалившись спиной к стене. Точнее, к выцветшему бегемоту по имени Федюнька, которого отец подарил мне на восьмилетие. За вторую половину моей жизни Федюнька лишился глаза и утратил персиковый цвет, но в качестве подушки был по-прежнему незаменим. Я же сидела прямо как кол, потому что прислоняться к обитой вагонкой стене было неудобно, зато ноги можно было вытянуть в балконное окно. За окном зеленел лес – особенно яркий в пасмурный майский день. Пахло влажной землей и черемухой.

Через неделю от песни «Будем жить, мать Россия!» с колонки слетел цветочный горшок и разбился вдребезги. Мы с Анькой тут же убавили громкость, собрали землю в тазик и воткнули туда корень эухариса. Толстые и огромные осколки горшка сложили в мешок и отнесли на помойку. Ковер пропылесосили. Весело нам было, ничего не скажешь. Благо, на балконе нашелся пластмассовый белый горшок, куда мы и пересадили эухарис, а остатки земли Анюта, картинно изогнувшись, вывалила в балконное окно, провозгласив:

– Возвращение в родную стихию!

Снизу тут же послышался отзыв от копающейся в палисаднике соседки. По-моему, он состоял из непечатных слов, так что пропустим.

Рука не поднимается выбросить эту кассету. И все же... ну зачем этот хлам? Мне даже слушать ее негде – деки давно сломались, а в плеере нет батареек.

А вот еще одна из того же времени. «Химический сон» Маврика. Буклета нет – кажется, Аня забрала его отсканировать, но так и не вернула. Ей очень нравилось, как Маврик получился на той фотографии – он держал в руке хрустальный шар, а вот, что в нем изображено – не помню. Жаль, красивый был буклет, но давать что-то Ане – почти то же самое, что подарить. Нелегко было научиться, когда вещи имели ценность – кассеты, диски, книги. Теперь же все в цифре, все одноразовое, доступное, можно в любой момент найти и скачать.

Не помню, как появилась у меня эта кассета. Помню, как мы с сестрой купили «Одиночество», но впечатление осталось двойственное, пока Аня не початилась с Мавриком и не узнала, что «Одиночество» – своего рода черта после первых трех альбомов. Маврик советовал ей послушать «Химический сон». Так мы его и нашли. Купила, конечно, я, но Аня тут же подрезала его, а потом говорила, что это совсем не похоже на «Арию» – он играет дисгармонично. Послушав, я не поняла, в чем это выражается. Оказалось, дисгармония для подруги – это слишком явная разница в партиях соло и ритма. По мне, так это шикарно. Что и говорить, Мавр звучал намного богаче, чем «Ария», а в ту пору мы умели считать только до двух – больше хэви-металла у нас в стране не было.

«Химсном» я заслушивалась осенью. Тогда в моей жизни уже появился Слава – как бы случайно.

– Ты не хотела бы с ним познакомиться? – спросила я Аню.

– А зачем? Отбить его у тебя? – она рассмеялась.

– Почему отбить? Мы просто по-дружески общаемся, – хмыкнула я.

– Ну, если по-дружески, то можно.

Мы тогда еще не знали, какие девушки нравятся парням, и сами не слишком интересовались реальными. Мы были влюблены в придуманные образы или в недостижимых музыкантов. Мне фанатские бредни были чужды, Анна же не была испорчена музыкальным образованием, поэтому верила в байки про какую-то избранность и западала. Особенно на барабанщиков. Или на мужиков небольшого роста. В моей голове и, наверное, в сердце в ту пору жил парень, который давно свалил в Америку. Сын папиного друга. Лет в девять или двенадцать я решила, что он мне жутко нравится, и страдала по нему аж до шестнадцати. Нет, не до Славы. До тех пор, пока не узнала, что он ширяется. Наркоманов и самоубийц я категорически не уважала, а любви без уважения в моей системе координат не существовало. На самом деле эти шестнадцать лет – возраст депрессивный. Крушение авторитетов, перелом, расставание с иллюзиями. Ведь как возможно любить человека, которого знала почти ребенком и не видела больше пяти лет? Да и пока видела, много ли знала о нем? Намазала фантазии на красивую внешность, как масло на хлеб – вот и все.

А Славка был живой и теплый. Неидеальный. Русский рок он категорически не воспринимал – только запад, и очень тяжелый.

– Но Мавра все-таки послушай, тебе не может не понравиться, – я всучила ему эту кассету – тогда еще с буклетом. Как от сердца отрывала.

Он обреченно вздохнул. «Арию» он любил, а остального в отечественной сцене знать не хотел.

На следующий день он перезвонил мне и сказал:

– Я послушал Маврика!

– Ну и? – мое сердце замерло.

– Это охренительно!

Пропала моя кассета, – мысленно вздохнула я.

– Я хочу диск найти, такую музыку нельзя слушать в таком качестве.

Он уже давно не покупал кассеты. Студенты-буржуи. Это мы, школата, будто новое блюдо пробовали – если не понравится, кассету можно затереть, а диск и стоит дорого, и никуда его потом не денешь.

Кажется, купил его Слава только лет пять спустя. Раньше нигде не мог найти, хотя мотался даже на «Горбушку». Я так и не съездила туда с ним.

2002

Зеркальный год, как я его вижу. Мне шестнадцать. Что-то уже якобы можно. Наверное, все мы так думаем: вот закончу школу, тогда заживу! Вот поступлю в институт, сделаю то-то! Вот выйду замуж, вот похудею, тогда...

Знакомо?

А смысл в том, чтобы жить сейчас, и эта затертая истина осознается лишь теоретически. По факту мы всю жизнь только готовимся жить. Я знаю мало людей, которые наслаждались настоящим без сожалений о прошлом и без надежды на будущее или без страха перед ним.

Я точно не такая. Я восемь лет жила прошлым, а теперь боюсь будущего. Поэтому так ностальгирую по своим шестнадцати годам, когда в последний раз была счастлива и беззаботна. Когда рядом почти каждый день была лучшая подруга, и на нас лилась шикарная музыка. Когда столько всего случилось в жизни впервые...

Помню, как встречали этот год с мамой, крестной, сестрой и ее тогда еще не мужем, но сожителем – слово так себе, никто его не любит. Папа работал сутки на заправке. Праздник без него был скучным. Дело даже не в песнях под гитару или шутках. Просто его не хватало. Плюс у меня в переходном возрасте жутко скакал сахар, и зачастую я себя чувствовала отвратительно. Немало труда стоило мое смирение с тем, что болезнь – навсегда и с годами лучше не будет. С этим можно жить и внешне даже ничего не заметно – лучше, чем инвалидам-колясочникам. Но качество жизни страдает.

Помню, мне не хотелось наряжаться, быть красивой и вообще быть. После сидра, смешанного с колой, стало легче. Мы уютно сидели при свечах, смотрели вечный телевизор, а часа в три ночи пошли запускать фейерверки. Встретили год в печали, а потом развеселились. Как ни смешно, так он и прошел.

Первая половина была почти комой. И да, внешне никто ничего не видел. Летом стало отпускать. Лето – это маленькая жизнь, даже когда его не любишь.

*Мне не нравится лето,
Солнце белого цвета, —*

Как пели «Глюки». Согласна, хотя в ту пору лето было синонимом каникул, поэтому любили его почти все, кто пытался учиться. Мои родители никогда не уезжали на юга без нас с сестрой – о таком я только в книгах читала. Маме эти юга на фиг не нужны, а папе хватало местной речки. В последний раз мы выезжали в 1997-м – и все, деньги кончились.

Меня это не сильно расстраивало – я проводила время у бабушки, у меня были книги, и домой я приходила с подругой пообщаться. С Аней то бишь. Но в июле она уехала в лагерь, и мне даже сны кошмарные снились, будто она умерла, а я осталась одна. Три долгих недели без нее. Для юного создания – это вечность.

– Дан, привет! – окликнул меня женский голос, когда я в очередной раз бродила в одиночестве по району.

Это была Рита, Анина подруга. С ней они дружили давно, это ко мне Аня только начала присматриваться. Как обычно в таких случаях, разговор зашел об общих знакомых.

– Скучаешь? – спросила я, рассчитывая, что Марго ответит утвердительно, и я предложу ей скучать вместе.

– Признаться, не особо, – она лукаво улыбнулась, – я с таким парнем познакомилась, просто космос!

Ничего себе новости! Разумеется, я жаждала подробностей, хотя мы с Марго были не настолько близки, чтобы в этом признаваться. Поэтому я робко попросила:

– Расскажи!

И Рита рассказала о Роме. Конечно, сошлись они на музыкальной почве, он еще и аудио-пират – диски записывал на заказ, и у него такая коллекция записей, что днем с огнем не найдешь, а компьютер такой мощный, что лучше, наверное, еще не изобрели. Он живет в центре города, поэтому балдеет от наших пустырей. Рита выгуливала его по лесам и хотела уже сводить на речку или озеро, но тут вклинилась ее красавица-подруга.

– Представляешь, явилась, когда он у меня сидел. Сто лет не заходила – у нее теперь другие интересы и своя компания. Только шмотки у меня берет на дискотеку.

Я покивала. Знакомая картина. У меня тоже такая подруга вот-вот отвалится. Пути расходятся, говорить не о чем, но обидно, когда тебе предпочитают кого-то другого.

– И вот он с ней сама галантность – стебался, конечно, а она человек приземленный, не читает вообще ни фиги, откуда ей знать эти книжные обороты? Я умираю со смеху, эта краской заливаается, а Ромка – сама серьезность и не понять по нему, что он на самом деле чувствует.

– Ревнуешь?

Рита пожалала плечами.

– Сама не признавалась себе, что запала на него больше, чем на друга. Но разве он на меня западет, когда рядом такая красота?

– О чем он с этой красотой говорить будет? – я махнула рукой, мол, не переживай, ты вне конкуренции.

– Говорить – одно, любоваться – другое. И он на фоне всех ее дебилов выигрывает. Она даже не знала, что такие люди бывают.

Мы присели на лавочку у какого-то подъезда. Хорошая ведь девчонка, почему мы так редко общаемся? Аня пару раз приводила ее ко мне, но та, что называется, не прижилась. Втроем совсем другое общение, да и Рита любила, чтобы все приходило к ней. По словам Ани, она умела создавать шикарную атмосферу с ароматным чаем и тяжелой музыкой. Теперь благодаря Роме у нее этой музыки завались, а мы будем тихо завидовать или выпрашивать по мере Анькиной наглости.

– Мои отдыхать уехали, может, зайдем ко мне? – предложила Рита, когда мы отсидели пятые точки на лавке.

Вот еще одна сказка. Так прям взяли и уехали, а она пельмени варит и бэпэшки трескает, и никто не указ!

До сего момента у Риты я не была, а квартира ее в том же доме, что и моя, и тоже трехкомнатная. Просторная, чистенькая, но не было таких изысков с паркетом и поклейками обоев на потолке, деревянных дверей с зеркалами и вагонки не кухне. Все просто и опрятно.

– Классно, наверное, одной, – забравшись в кресло с ногами, предположила я.

– Да, сама балдею, – хозяйка поставила диск «Арии», где с каждого альбома было по две песни, начиная с последнего на тот момент, заканчивая дебютным.

– Слушай, у меня есть джин-тоник, не хочешь?

– Во дает! – рассмеялась я. – признаться, у меня небольшой опыт по этой части. Впервые напилась после концерта «Арии» с сестрой, потом на новый год и на папин день рождения. Все в этом году...

– Да у меня тоже опыта никакого, – отмахнулась Рита, – просто у сестры как-то ночевала, мы с ней купили водку с ананасом и вот это. Она мне с собой отдала.

– А водка как? – любопытствовала я.

– Она же ее и выпила. Мне кроме колы ничего от жизни не надо!

Мы, посмеиваясь, перебазировались на кухню. Там стоял стеклянный стол, а на нем – несколько тканевых больших салфеток. Я невольно подумала, что такой стол оттирать замучаешься, но смотрится шикарно.

Рита достала из холодильника синюю банку джин-тоника и, поставив ее на стол, огляделась в поисках стаканов.

– Давай праздничные, раз такое дело, – она пощелкала пальцами.

Какое уж такое? Меня тоска заела, а у нее любовь. Я, недолго думая, высказала свои соображения.

– А как мне ему об этом сказать? Или намекнуть? И Ленку слить?

– Что значит слить? Она ж не заходит – увиделись раз и все.

Рита махнула рукой и углубилась в посудный шкафчик. Извлекла два пузатых фужера на тонких ножках и со звоном поставила на стол.

– Она из дома ушла, у меня живет.

Я ахнула. Поинтересовалась, где же она.

– На балконе, лак стирает.

– Тьфу! Я-то думала ты одна, что ж не сказала раньше?

Марго опять отмахнулась – мол, стирать лак она будет еще часа три, потому что жидкости нет, и Лена отдирает его ногтями. По каким-то причинам этот процесс ее увлекает – или больше заняться нечем.

– Дан, – хозяйка закрыла кухонную дверь, но заговорила почти шепотом, – я вообще не понимаю, как можно так жить. Мне нужно тридцать шесть часов в сутки даже наедине с собой, столько в мире интересного!

Я кивнула.

– А Ленка... ногти, косметика, шмотки, причесон – об этом они часами могут говорить. Я тут с ее девками в автобусе ехала, они так живо это обсуждали, убиться веником... а со мной ей скучно, ясное дело. Да и мне с ней. Расходимся, и слава Богу. Будем видеться раз в год, в память об ушедшем детстве.

Я поинтересовалась, почему Ленка ушла из дома и остановилась именно у Риты, раз есть подруги под стать. Марго ответила, что какая-то подруга ее подставила, а поскольку они все в одной компашке, то остановиться больше не у кого. Дома с мамой разругалась, так и понеслась.

– Дурь, короче, пройдет. Но все так не вовремя!

Рита вскрыла банку, и та с шипением пустила белую пену на жестяной верх.

– Ленку позвать не хочешь?

Маргоша скривилась.

– Самим мало.

И правда. Фужеры едва наполнились, а банка опустела.

– Ну давай, чтобы у тебя все разрулилось, – пожелала я.

Мы чокнулись и выпили.

– Не говори. Жизнь веселая пошла.

– У тебя там «Ария» орет, а дверь у нас закрыта, – напомнила я, – Ленке это странным не покажется?

Рита опять скривилась – мол, не парься.

– Отдать должное, она очень воспитанная: никуда не лезет, тем более без стука. Этим и привлекает – этакая леди. Не то что Анька беспардонная.

Я тихо засмеялась, и Марго меня поддержала.

Закусили мы разделенным по-сестрински апельсином и печеньями. Когда я решила, что пора бы и честь знать, у меня закружилась голова при вставании.

– Я тоже уплыла, – призналась хозяйка, – пойдем в зал, музыку послушаем. Или ты спешишь?

Да уж, спешу – напилась и теперь вдруг заспешила.

– Не, у меня жизнь скучная, меня ждут «Крематорий» и Маврик в бабушкином кассетнике.

– Ну ты крутая! – Марго встала и покачнулась. – Маврика надыбала и молчит!

Пока мы плелись в зал, держась за стенки, я делилась впечатлениями о мавринском альбоме. Хоть были они мутными, Рита заинтересовалась, и я обещала ей занести кассету.

– Кстати о кассетах, у меня тут «Сладкий ноябрь» от сестры приплыл, хочешь посмотрим?

Я заметила, что на это дело можно и Ленку позвать или они могут позже вместе посмотреть, а со мной и поболтать есть о чем. Точнее о ком. Ведь наверняка хочется о нем говорить. Рита согласилась.

– Хочется, еще как. Он такой классный!

2020

Квартира, в которой мне предстоит жить, досталась мне... как бы это сказать? Непросто? С препонами? Не сразу? В общем, путь к одиночеству и самостоятельности был долгим.

В тридцать я решила отпочковаться от предков и попросилась в квартиру деда, которую папа сдавал после его смерти. Окраина окраины, где никогда не работают фонари и дороги разбиты. Потолки цепляешь макушкой, а ванна живет на кухне. Никакой ремонт не поможет ее отгородить или поставить душевую кабину. Мои бабушка с дедушкой переехали сюда в середине пятидесятых из барака – в то время санузел в квартире был роскошью.

– Мы тут с матерью посоветовались, – вечером завел разговор папа, – и подумали: может, мы эту квартиру продадим, а тебе купим однушку? Приличную, где захочешь.

Мне и самой эта идея в голову пришла, но я бы не решилась такое высказать – и так обнаглела.

Оценили эту халупу невысоко, и продавали мы ее год. То я копила на бытовую технику – думала, уеду в дедову квартиру, хоть микроволновку надо купить, там плита двухгорелочная; то вдруг нарисовалась поездка в Париж, и все накопленное спустила, не дождавшись, когда же мне повезет с квартирой. Может, ее вообще никто никогда не купит – и что теперь, во всем себе отказывать?

Из Парижа я вернулась с голым задом, зато к хорошим новостям:

– Я нашла тебе хату! – провозгласила сестра.

Разумеется, продали мы дедову еще дешевле, чем рассчитывали, поэтому бюджет наш был строго ограничен. Хватало на студию в строящемся доме.

– А потом всегда можешь ее продать, мало ли как в жизни бывает...

Я рою окоп, а не хожу в разведку. Но если я ничего не переверну, в моей жизни ничего не происходит.

Показали нам студию в тридцать квадратов. Она выглядела так, что, придя домой, я проглотила три колеса валерьянки, дабы не разрыдаться. Мои собирались купить двадцать шесть квадратов. Диван и шкаф. Да конечно, что мне надо по жизни! Самой жизни, кажется, уже не надо. А может, и никогда она мне нужна не была – когда жизнь это поняла, обиженно отвернулась от меня.

Еще полтора года мы ждали, когда достроят дом.

– Ну ты хочешь эту квартиру, мечтаешь скорее уехать? – спросила сестра.

А ты хотела бы жить в шкафу-купе, даже с самым модным дизайном? – подмывало съязвить. Ее почему-то не устраивала трехкомнатная родительская хата, в которой она жила с сыном, а я должна спать и видеть эту конуру! Кажется, вся жизнь нашей семьи вращается вокруг сестры с ее мужиками, браками, разводами и разбитыми надеждами. Младшей достаются обноски, как и положено.

Получив ключи, мы стали искать мастеров – ремонт делать придется по полной, в современных домах нет даже электрики. Однако знакомые были уже заняты, а с незнакомыми связываться мои опасались.

– Ты пока смотри в интернете интерьеры, что ты там хочешь, – советовал папа.

Я буквально заставила себя это сделать. Заставила себя поверить, что чего-то хочу. Что можно как-то организовать пространство даже в такой жопе сурка. Оказалось, там не двадцать шесть, а двадцать три и четыре – это кто-то балкон посчитал! Шикарно. Спасибо, что удобства не на этаже.

Однако ремонт начать было не суждено. Моя сестра, окунувшись в риэлтерскую сферу, предложила студию продать – когда дом сдан, она стоит дороже, нежели на этапе строительства.

– А вырученные деньги можно внести в однушку в строящемся доме. Да, придется еще год подождать, но зато у тебя будет нормальная квартира на всю жизнь. Думаешь, мне приятно жить в трешке, зная, что ты будешь ютиться в этой клетке?

Признаться, мне стало стыдно, что я думала о сестре плохо. У нее, конечно, был свой интерес: родительскую трешку она хотела продать и перебраться поближе к центру, но предки не позволяли. А вот если бы это все уладить через меня – скажем, не хватит мне вырученных за студию денег даже на однушку, тогда и пригодятся остатки от продажи трешки.

– Чем тебе так там не нравится?

Сестра долго рассказывала о непомерной плате за ЖКХ, которая не соответствует условиям, о долбанутых соседях, которых я знала с пятилетнего возраста, о дурацкой школе, в которой вынужден учиться ее сын, о гнилом районе, о лишней комнате... короче о полном несоответствии этой квартиры ее требованиям.

Самое сложное – убедить родителей. Им уже за шестьдесят, а в таком возрасте к переменам не готовы и относятся к ним настороженно. Наши были категорически против, но, на мой взгляд, это лишь потому, что сестра была слишком взвинчена, когда излагала свои претензии. Да и какие претензии! Мы с предками свалили из этой квартиры, уступив ее сестре с племяншкой, когда она вернулась в отчий дом после первого развода. Сами перебрались в двушку покойной бабушки, потратив на ремонт все имевшиеся у папы сбережения.

– Я предлагала родичам продать эту трешку и дедову квартиру, поделить пополам и купить квартиры тебе и мне, чтобы никому не обидно было, но они не захотели, – писала она мне.

Охотно верю. Родичам комфортнее думать, что все, что мне надо от жизни – сидеть у них под крылом, уткнувшись в монитор. На фоне запросов старшей дочери это, должно быть, уравновешивает картину и вносит в жизнь справедливость.

Родителей мы уговорили. Точнее сестра беседовала с папой, пока я отвлекала маму от влезания во взрослые разговоры. Мама за отцом как за каменной стеной, и у нее ни разу не было повода в нем усомниться – так что решения принимал он, преподнося их как обоюдные.

Выставив студию на продажу, мы с сестрой стали смотреть однушки. Буквально первая мне так приглянулась, что больше никуда ехать не хотелось. Считай, две большие комнаты (одна из них кухня, но можно ее совместить с гостиной, а спальню – с кабинетом, как в итоге и получается), огромная ванная, приличных размеров балкон. Тихий район, но уже не на окраине – бывший военный городок. Ноябрь, середина рабочего дня. Солнышко в безжизненных комнатах. Этот дом уже год как сдан, а на квартиру много претендентов, поэтому даже если мы продадим студию дороже, нам не хватит.

В конце ноября мы продали студию. В середине декабря я купила квартиру, а в марте сестра продала трешку и приобрела себе апартаменты в городе, провернув внесение и получение задатков буквально в два дня. Такие авантюры выгорают одна на миллион. У наших скептически настроенных родителей глаза полезли на лоб. Папа, конечно, многое понял о жизни, а потому никуда и не лез больше. Прошли те времена, и прошли как-то мимо.

– Что ж я такой тупой! Все своим горбом, руками, силой! Все одним днем! Ни дома не построил, ни денег не скопил, так...

Я молчала. Надоело всякий раз повторять: зато ты прекрасный муж и отец. Была сотня возможностей, но папа словно боялся больших денег, не ведал, как ими распорядиться. Я его не виню. Когда почти все твои друзья в лихие девяностые либо сели, либо жизни лишились, либо в казино проигрались, либо семьи развалили от шальных денег, будешь держаться за самое дорогое. Не в той стране живем, чтобы расслабиться. Всегда будет стрем и все будет не так, как запланировано.

Все это я рассказывала Славке, сидя в его машине.

– Не боишься со мной общаться? – имелось в виду, что коронавирус к нам привозят москвичи.

– На все Божья воля, – заметила я, – да и было б, за что цепляться!
Жить я так и не научилась, но и умирать не готова.

2003

Кассета с альбомом Iron Maiden «Piece of mind» приплыла, когда мне было семнадцать. Альбом этот давно записан на тот же диск, что и «Смутное время», и «Химический сон». Кусок моей дикой и умной юности. Любили мы на музыке мозги сворачивать. Прочтя «Легенду о динозавре», захотели послушать «Мэйдэн», но это случилось лишь через год. В нашей школе металлистов почти не было, а старшие братья и сестры были на диво цивилизными. Откуда мы такие взялись?

– Говорят, «Ария» у них все содрала, – сообщала я по-западному настроенному Славе.

– Врут все. «Ария» мелодичнее и серьезнее. Кипелов поет без всякого напряжения, а про Дикинсона такого не скажешь. У них совершенно разный тип голосов. Прикалываться наши начали только на «Пытке тишиной», а те еще в 1982-м, когда о проститутке написали, к которой, видимо, всей группой ходили.

– У тебя есть записи? – я решила от слов перейти к делу.

– Нет, они мне вообще не нравятся.

Признаюсь, тогда он меня потряс – обычно такие суждения человек выносит после первых аккордов, а не после дотошного разбирательства в текстах. Вот уж мнение так мнение.

Услышав «Мэйдэн» на той самой кассете, мы с Анькой тут же начали устанавливать параллели. А, там есть песня «Полет Икара» – ну, конечно же, соответствует «арийскому» «Икару»! Revelations похожа на «Искушение». Чуть позже приплыл диск под названием «Рок ин Рио», и Анька тут же услышала, как похожа The evil that men do на «Рабство иллюзий».

Кажется, был последний день февраля, в воздухе пахло весной. Мы хотели куда-то съездить – в кино что ли, точно не помню. Но поход сорвался, и Анька вернулась со встречи с прошаренными металлистами. Привезла этот диск и видеокассету с каким-то концертом. Мы погнали чай и тут же кинулись смотреть. Кажется, ничем тогда нас «Мэйдэн» не впечатлил. Или качество было паршивое, или настроение не то. Помню только фразу Show them no fear, show them no pain.

– О, это ж как в «Тореро»! «Пусть не знает никто, что творится в душе»! – обрадовались мы.

Смех смехом, а до сих пор ютуб кишмя кишит видосами в стиле: «Ария» и «Мэйдэн» – найди десять отличий. А ведь Славка был прав.

– Почему ему-то не нравится? – поинтересовалась Аня.

– Вокал его бесит.

Мы согласились, что сам по себе он не так уж и хорош и, вероятно, ничем бы нас не пленил, но мы всегда судили о группе в целом, не расщепляя на ударные, гитары, тексты, ноты, вокалы и аранжировки.

На мой семнадцатый день рождения Аня подарила мне четыре альбома «Мэйдэн», нарезанные на компакт-диски – компьютера у меня не было, так что полным собранием сочинений хэви-легенды наслаждалась только она. Зато я переводила тексты, переписанные ею вручную, и мы гомерически хохотали над нашим уровнем английского. Недавно переслушала все эти альбомы и в очередной раз подумала – на какой же классной музыке мы росли!

Моему племяннику сейчас пятнадцать. Ему этот рок глубоко фиолетов, музыкальный центр ему не нужен, поэтому сестра предложила мне забрать его в новую квартиру. Я возьму, с радостью. У них вся музыка в ВК, они вешают блютуз-колонку на рюкзак, чтобы все вокруг угорали от «битов». Что это такое – в душе не представляю. Видимо, это нужно, когда нет нормального ударника. Новые подростки – как инопланетяне, я совершенно не знаю, что о них сказать. Они сидят в телефонах и хотят много денег просто так и сразу. У них по пятнадцать каналов на ютубе, они берутся учить всех фотошопу, лепке из пластилина, прохождению игр

и танкам. Нет, я не брюзжу, не говорю, что мы были лучше. Мы были другими, а те, кто был до нас – еще другое. Просто грустно, что у них нет такой любви, такого фундамента, таких фраз, запавших в душу, которые не дадут спасовать перед трудностями всю последующую жизнь.

*Встань, страх преодолей...
Самоубийство – это уже не война...
За честь короны мы умрем...
Всем не под силу бремя свобод...
Здесь для слабых места нет...
Воля и разум – сильнее всяких войн...
Лучше быть одному всю жизнь, чем найти свой дом и жить в нем
с кем попало...*

Ведь если полировать мозги год за годом, да еще с музыкой – разве не повлияет это на личность? Будь у тебя заячье сердце, его не переделать во львиное, но задумаешься непременно. У нас были учителя, искусство для нас было не синонимом развлечения, а скорее – работы ума, интеллектуальным удовольствием. Быть может, это есть и сейчас, не все же любят музыку. Кто-то любит компьютерные игры, кто-то фильмы. Просто, глядя на юного родственника, я сомневаюсь, что они умеют так любить. Привязываться, прикипать, учиться, думать. Ведь он тоже растет один и у него есть своя боль по жизни. Он зол на отца, который инсценировал свою смерть и ушел из их с матерью жизнью. Ему страшно потерять маму, потому что она – единственное, что у него есть. Он ее жалеет, видя, как ей тяжело, и пытается где-то и как-то подработать. Он хороший парень, но, вероятно, со временем люди станут полуроботами. Это неизбежно, как банковские карты и сотовые телефоны. Наверное. И это ужасно грустно.

Сложила хлам в мешок. Очередной кусок моей жизни отправляется на помойку. Как долго после меня пролежат в моей будущей квартире никому не нужные вещи? Год, два? Или племянш выкинет их сразу, как только забьют мой гроб? Так же повертит в руках старую кассету и спросит вслух:

– Что это?

Что это за дичь? Бумажные книги... компакт-диски, напечатанные фотографии. Тогда понятно, как люди будут помещаться на восьми квадратах – говорят, такие квартиры в Москве уже проектируют. С инструкциями по применению, должно быть: сюда не поворачивайтесь и не разжирайтесь. На одиннадцать квадратов вы еще не заработали.

2020

– Неужели мы не виделись десять лет, Дан? Не могу поверить!

Он теперь коротко стрижется. Слишком даже, почти наголо. Наверное, действительно, облысел. Зато глаза все те же – цвета кофе, теплые и ласковые.

– Одиннадцать, по-моему.

– Кошмар!

Я знаю, что к маме он приезжал. Знаю, что с Ромой и Ритой общался.

– Тебе никогда не хотелось увидеть меня? – спросил он.

– Хотелось, конечно. Я думала, ты не хочешь...

Он хмыкнул я тяжело вздохнул.

– А я думал, ты.

Нет, ну зачем? Все ясно, точки над Ё расставлены. Мы расстались, у каждого своя жизнь. Ни к чему беречь прошлое, напоминать о себе, мучиться виной. Все правильно. Забавно, что стоило встретиться – наговориться не можем, будто и не расставались. Словно пять лет, что провели вместе, оказались больше и важнее прожитых друг без друга. Впрочем, пожалуй. Я вообще не помню, как прошли эти бестолковые годы.

– Ты не женат? – зачем-то спросила я. Никогда не задавала подобных вопросов.

Он помотал головой.

– А ты замужем?

– Нет. И не была.

И, наверное, не буду. И не побуду.

Его машина уже давно стояла у моего нового дома. Уже несколько раз я чуть не ляпнула: хочешь, зайдем, посмотришь, как у меня все будет? Неужели ему интересно? Да пока там ничего и нет, в смысле мебели. Сесть негде. Полы грязные.

– Жаль, сходить никуда нельзя, а то поели бы пиццы, – улыбнулся он.

Я кивнула.

– Сейчас немного обустроюсь и приглашу тебя в гости.

– К тому же, у тебя скоро день рождения.

Конечно, он помнит. Даже если не поздравляешь, дни рождения некогда любимых помнишь всегда.

– Вот как раз и постараюсь сделать из голых стен уютный дом.

Он поинтересовался, что я буду делать там сейчас. Я пожалала плечами – так, приберусь немного, а потом поеду к родителям.

– Так может, отвезти? Зачем мы приехали?

– Нет, все нормально. Я хотела побыть здесь.

Одна, без отца. Работяги вернули один ключ, а раньше я бы и не попала сюда.

– 7Б – ты даже дом выбирала музыкальный? – смеялся он еще когда мы ехали.

– Скорее шизофренический. После «Молодых ветров» ничего хорошего не слышала у них.

Я стала западником, но не благодаря Славе. Просто со временем поняла, что там действительно разнообразнее и качественнее, и когда к музыке относятся, как к индустрии и бизнесу – это не так уж плохо: во всяком случае, приятнее слушать, чем три аккорда о минусах Совка. Однако стоило нашим научиться играть – идейность пропала, а этого родной музыке простить нельзя. Западной можно. Они далеко и не про нас.

Слава уехал, а я поднялась пешком на третий этаж, открыла свою красивую дверь и нащарила на стене выключатель. Тут же вспыхнули зеленым кухонные стены. Сколько таких эпизодов было в моей жизни? Новых старых домов. В основном старых. Бабушкина квартира –

первые пять лет жизни. Потом родительская трешка – с пяти до двадцати трех. Потом опять бабушкина – до двадцати восьми. Недолгий год в родительской трешке и возвращение в бабушкину. Через неделю мне тридцать четыре. У меня жилье в собственности.

– Четверть дома моя, а сколько бы он не стоил, я – миллионерша! – говорила Аня.

Мы сидели в ее тридцатилетнем «мерседесе», а на улице сгущались тучи. Она живет в родительском доме с больным отцом и маленьким сыном. Кто бы мог подумать, что все сложится так... две миллионерши!

И вот я хожу по собственным комнатам. Я выбирала эти обои, эти плитки, полы, краску для балкона. Плита, стиралка, микроволновка, и можно будет переезжать. Посуды навалом, баночек для хранения сыпучих я накупила еще давно. Надо будет зайти к сестре, попрощаться с той квартирой. С ней связано только хорошее. Мы прожили там много счастливых лет. Четыре собственника, а досталась хата одной сестре. Спасибо, мне с квартирой помогла. Грех жаловаться – она мне, растяпе, со всем помогла. Современная женщина – круче нормального мужика. Все решит, пробьет и сделает.

Аня не такая. Она повзрослела сначала благодаря замужеству, а потом разводу. Если бы она повзрослела сразу, возможно, развода и не было бы, но это мое мнение. То за мамой, то за мужем.

– Мы не хотим родительский дом продавать.

Еще бы, дом есть дом. Квартиру-то жалко. Раньше в этом доме кипела жизнь. Когда мы с Аней стали общаться, ее брат еще был холост. Когда женился, они стали жить все вместе в этом доме. Потом Аня вышла замуж. А еще чуть позже все развалилось – очень уж родителям не нравился Анин муж. Молодые стали скитаться по квартирам, а брат с женой и уже двумя детьми переехали в дом родителей супруги. До сих пор они там, но как гости.

– Он хочет сюда вернуться, но Оля против. Глушь, дескать, с детьми неудобно. По городу она пешком ходит, а за руль не хочет принципиально. Может, когда парни подрастут, тогда...

То хотели жить большим кланом, когда родители только покупали этот дом. То расхотели – помню, как тяжело было Анину брату первые годы супружеской жизни, как Оля подначивала его снять квартиру и жить отдельно от родителей, она-де не чувствует себя здесь хозяйкой. Анин муж вообще жил с матерью в хрущевке – логично, что после свадьбы поселились в Анином доме, но надолго никого не хватало. Охладела в сердцах любовь. Смогут ли теперь сродники со своими семьями ужиться под одной крышей?

Сестра звонит.

– Меня двадцать пятого выселяют из квартиры, а в моей еще конь не валялся. Можно мы у тебя пару недель перекантуемся?

Начинается. Что остается в этой жизни? Принять неизбежность.

Аня – моя одноклассница. Подружились мы далеко не сразу – только когда сошлись на почве рока. В школе ее не любили и долгое время, воспользовавшись болезнью, Аня училась дома. Это случилось уже в старших классах, а в младших она ходила в школу, открытую специально для нее пробивной мамой в компании с парой-тройкой таких же. Старшие классы там не предусмотрены, поэтому Аня попала к нам.

В студенческие времена мы часто общались втроем – Аня, Рита и я. Это общение сошло на нет, когда Рита вышла замуж за Рому. Понятно: семья и другие заботы, а мы были вольными студентками.

Когда мы расстались со Славой, я стала чаще общаться с Аней. По сути, кроме нее и Риты подруг у меня не было. Так, в институте пара приятных девчонок, но мы редко виделись.

Потом Аня встретила Лешу – будущего мужа. Через год они поженились и, разумеется, Ане стало не до меня. Когда родился сын, как ни странно, общение возобновилось, но уже в другом качестве и количестве: я часто бывала у них дома и пила коньяк с Лешей. Ребенок спал, а Аня, казалось, настолько растворилась в десяти рецептах шарлотки и похудении после

родов, что говорить нам стало не о чем. Жили они в ту пору у Аниных родителей, но дом был уже не таким, каким я его помнила.

Долго Аня и Леша переезжали туда-сюда, долго мамы с двух сторон капали на мозги. Аня не работала, Леша уставал. Смешно думать, из каких мелочей складывается счастье, и страшно представить, из-за каких пустяков рушится семья. Брак просуществовал шесть лет, и когда умерла Анина мама, дочь вернулась в родительский дом.

2002

Вода всегда меня успокаивала. Достаточно просто прийти к реке и какое-то время поглядеть на то, как солнце отражается в воде, как мирно плещутся перевернутые облака, послушать плеск воды о бока деревянной лодки, шуршание камышей.

Когда тебе шестнадцать, выводят из себя старшие братья и сестры, требовательные учителя и неясность будущего. Когда тебе тридцать четыре... в общем, то же самое, без середины пункта.

Мы со Славой пришли к реке в октябре. Это было едва ли не второе наше свидание после «Сплина», и предложила его я.

– Хочется проститься с летом.

О плавании речи не было, но побыть у воды хотелось. Либо одной, либо с кем-то из не надоевших людей. Почему бы не с ним? Рита рассказывала, как Рома умилился нашей загородной красотой. Быть может, и Славу она порадует?

– Что ж, давай сходим, – согласился он в трубку, – далеко идти?

– От моего места жительства километра два, – ответила я.

Он еще не бывал у меня и не знал, где я живу. У нас не было телефонов и навигаторов, зато был наследственный кретинизм и женская логика. Но я как могла объяснила, и он понял.

Я ждала его на остановке минут двадцать. Не хотелось быть дома. Я пожалела, что не надела теплый свитер – хоть и солнечно, а сидеть без движения прохладно. Мой спутник оказался предусмотрительным – принес в термосе чай и бутерброды. Теперь это кажется мне сверхъестественным, а тогда восприняла с благодарностью.

Дорога вниз, идти легко. Слава озирается по сторонам с интересом.

– Еще когда ехал к тебе, думал: куда меня несет? Какая-то трасса, поля, леса и холмы...

Оказалось, он любил гулять пешком и город наш регулярно обходил, но до моего района еще не добрался.

– Дед мой – заядлый путешественник, – сообщил он, – они с бабушкой объехали на машине всю Россию, от Владивостока до Сочи.

– Ты не ездил с ними?

– Пока был маленьким, они не хотели брать меня с собой, – усмехнулся он, – а когда подрос – сам расхотел.

– Осталось лишь повзрослеть и согласиться, – решила сойти за умную я.

– Теперь вряд ли поедут. Деду уже под семьдесят, боятся таких рискованных мероприятий.

Я поинтересовалась, не жалеет ли он, что так и не попробовал это приключение. Он ответил, что все впереди – надо лишь найти подходящую компанию. Я вспомнила, как мы всей семьей ехали на юг на машине. Мне было восемь, сестре семнадцать, мама водить не умела, поэтому сменить папу за рулем было некому. Помню, было жарко, я с удовольствием остывала в роскошном мерседесе с кондиционером папиного друга. Ехали мы колонной – папины друзья с семьями и детьми. Мы на «восьмерке», поэтому кондиционером служили открытые окна. Помню остановку в Воронеже и в Ростове-на-Дону. Дон меня поразил – такой чистый, полноводный и с сильным течением. Приятно было освежиться – до сих пор помню его прохладную изумрудную воду. Не в том смысле, что она цвела – просто на солнце она казалась именно такой.

– Ты с детства на это западала? – Слава посмотрел на меня и улыбнулся.

Я кивнула, хотя никогда не задумывалась об этом.

На берегу никого не было. Деревья почти облетели, а золотые листья покрыла ржавчина, но нам все равно нравилось.

– Костер будем жечь? – спросил Слава, оглядывая берег.

– А у тебя и спички есть? – удивилась я. – Дедова школа?

Он пожал плечами – видимо, тоже никогда об этом не задумывался.

– Давай, когда замерзнем? – предложила я повернувшись к реке.

Это, конечно, не Дон, но мне хватало. Лета мы с отцом проводили здесь. Он рассказывал, что каждый берег был закреплён за ребятами из конкретного поселка, и стоило кому-то чужому сунуться куда не надо – начинался мордобой. Так развлекались уличные парни без интернета. Славу это забавляло.

– Сейчас летом тут и московские номера можно увидеть. Не то, что городские приезжают.

Мусорные берега покрыты опавшими листьями, поэтому за поруганную красоту не стыдно. Я подошла к мостику – кусок бетонной лестницы, ступеньками уходящий в темную воду. Присела на корточки, провела рукой по глади – вода обожгла холодом. Я вздохнула. Почему-то становилось грустно при мысли о том, что отплавалась до мая.

– Ты был в Питере? – я повернулась к Славе, который стоял за моей спиной и к воде почему-то приближаться не спешил.

Он помотал головой.

– А я была этим летом.

– И больше всего тебя впечатлила Нева? – усмехнулся он, присев на корточки.

– Угадал! Нева впечатлила своей неуместностью. Я привыкла, что река в лесу, понимаешь? А тут – город как город и вдруг – река! Да такая – синяя, широкая...

– Грязная, промышленная.

Эту привычку я ненавидела в своем отце: все мог опозлать и почему-то думал, что это жутко смешно, и мы все начинали хихикать над его затертым шутками, хотя он бы не обиделся, если бы их проигнорировали.

– Да ну тебя, – буркнула я, – не видел, а знаешь лучше всех.

– Извини, – он примирительно поднял руки ладонями ко мне, – расскажи про Питер. Я просто не Неву хотел там увидеть.

Рассказывать уже не тянуло. Настрой испорчен. Рита считала меня танком непрошибаемым, а какой я могла быть, когда все твои восторги, стоит их выказать даже в малой форме, тут же натыкаются на пошлость, непонимание, перебивание, «повтори на бис» или «ой, извини, я отключился»? Знаю людей, на которых это не действует, и они как ни в чем ни бывало продолжают: «ну так вот...» Я к таким не относилась.

– Если я тебе начну рассказывать про дворец Меншикова или Царское село, ты скажешь: стоило ли за этим ехать? Я бы на концерты ходил, атрибутикой затарился бы, дисков накупил – там же колыбель русского рока! Куда нам косорылым вас интеллектуалов удивлять, – я отвернулась и сунула руку в воду.

– Я не хотел тебя обидеть. Видимо, это сделали еще до меня, а мне достаются недосказанные слова, – он подошел ко мне поближе. Сел на корточки и заглянул мне в лицо.

Я давно решила, что обида – не для меня. Вообще не понимаю смысл этого чувства. Этакая декларация своего инфантилизма – все мне должны, а не дали. Есть претензия – разберись. Или разозлился нормально. Это я, как могла, и объяснила Славе, но про невысказанные слова он оказался прав. Одному не выскажешь, а другой выслушает. Вот и получается: обидел нас один, а получает за это другой.

– Меня в детстве веселила поговорка: на обиженных воду возят, – признался он, – так и представлял себе телегу с канистрами, в которую впряжен какой-то обиженный.

Я засмеялась. У меня было так с папиным выражением «в Москве дышать нечем» – думала, как только мы въедем на территорию столицы, сразу задохнемся. Должно быть, там живут сверхлюди, которым кислород не нужен.

Какое-то время мы молча смотрели на воду. Я чувствовала, что Славу она ничем не привлекает, успокаивать его не нужно, а созерцать есть что поинтереснее – горы, город с колокольни или озеро Байкал. А тут какая-то речушка за городом.

– Этим летом я впервые доплыла до моста, – похвасталась я.

– До того?!

Мост тут один, и плыть до него – почти километр. А ведь еще обратно!

Я кивнула. В двенадцать лет подвигом было переплыть Белое озеро, а там жалкие семьдесят метров. Плавать я училась долго и трудно. Перепробовала и спасательные круги, и жилеты, и нарукавники, и пенопластовые доски. Папа долго со мной возился, преодолевая мой страх. Кто-то из сверстников поплыл на море, и все говорили: там вода соленая, сама тебя держит. Я дважды была на Черном и раз на Средиземном – ничего там не держало, а поплыла я в дивной красоты пруду, в сосновом бору, по дороге из Москвы домой. Было мне десять лет.

Потом папа стал давать мне задания, тренировать и укреплять. В тринадцать лет я переплыла уже двадцать озер, и у меня кружилась голова, когда я выбиралась на берег. Этим летом – кролем до Лопуховки и разок до моста.

– Лопуховка – это вон тот полуостров, – пояснила я Славе.

– Суровый у тебя предок. В чемпионы готовит?

– Говорит, хочет вырастить из меня здорового человека.

Я не сказала тогда про свой диабет и про то, что папина идея провальна в принципе. Но, видимо, физической выносливостью он пытался компенсировать мои возможные выверты. Во взрослой жизни понимаешь, как важен банальный иммунитет, даже если ты хроник. Легче жить. Одну он меня в дальнее плаванье не отпускал – мало ли, сахар скакнет, утонешь и в чашке чая.

– Ромка рассказал, Рита его в каком-то лесу у вас выгуливала, может, сходим как-нибудь?

– Хочешь и наш район освоить? – я выпрямила затекшую спину. – Давай на берегу посидим?

Он молча встал и первым сошел с бетонного мостика.

– Я, в свою очередь, могу показать тебе другие – наверняка город для тебя загадка?

Я кивнула. Город казался мне шумным и утомительным, своей деревни мне для счастья хватало. Слава разубедил меня: город – это не проспект. Чуть отклонишься – там другая жизнь и та же деревня.

– Хорошо, – согласилась я, – покажи мне большой мир.

– А потом мы с тобой отправимся в кругосветное путешествие, – улыбнулся он.

Я стала замечать, какая красивая у него улыбка и родные карие глаза – такие же у мамы и сестры. У меня серо-голубые, папины.

– Давай чаю налью, у тебя уже губы синие, – предложил он.

Я согласилась.

2020

Пока моих не было, а такое случается редко, я заглянула в давно не разобранные шкафы еще бабушкиной стенки, бросила взгляд на пыльный сервант. Прикидываю, какую посуду взять с собой. С одной стороны, смешно теперь глядеть на это накопительство, на эти бесполезные вещи, которые что-то стоили в прошлом, и кто-то думал, они будут что-то значить и через три поколения. С другой же – у нас были праздники. Была посуда, которую доставали только по особым случаям, были блюда, которых приходилось ждать, были наряды, были скатерти. Жизнь была настолько четко сегментированной, насколько упорядоченной, что в наш век смытых границ начинаешь тосковать по такому. У нас уже нет разницы между домом и работой, потому как на работе мы сидим в сети, чтобы отвлечься, а дома решаем деловые вопросы по смартфону. Психика расшатывается, нервы звенят, жизнь становится непонятной, накапливается усталость и постоянная потребность в смене занятий или хотя бы зрительных образов.

Я помню, насколько лучше чувствовала себя, когда на меня по несколько раз в день не обрушивались подробности жизни едва знакомых из соцсетей. Я смотрела полнометражные фильмы, слушала заранее скаченные лекции и книги, и никто не вторгался в мое личное пространство. Сейчас не сможешь побыть с собой даже если живешь один. Какое время твое, а какое улетает неизвестно куда и на что, ничего не оставляя взамен, кроме песка в глазах и зависти?

Теперь тарелки с золотой каемочкой не нужны – для микроволновки они не годятся, а я без нее никак. Хватит с меня котелков и сковородочек.

Были у меня планы до этого вируса – вот перееду, соберу тех девчонок, этих, а с кем – поодиночке. Всех вместе нет – такого общения я не понимаю, да и они могут не поладить. Вот и собрала. Все по домам сидят как зайцы, а родная сестра скорее меня в мою квартиру въедет.

Славка звонит. Висим на телефоне по часу. Пишемся в соцсетях по полночи. Такого в моей жизни уже лет шесть не было. А тут вторая молодость.

– Что в Москву-то не едешь? – спрашиваю как-то.

– Делать там нечего, – отвечает.

– Заболеть боишься?

– Так ведь и говорят, что из Москвы к вам бацилла пришла. Инкубационный период две недели, а как пройдут, давай погулять сходим?

Пишу, что можно у меня встретиться – мы теперь с предками живем в бабушкиной квартире, а это старая сталинка с сараем и гаражом – ну ты помнишь! Папа там лавочку сделал, столик можно вынести. Хорошо под сливой.

– А твои как к этому отнесутся? – спрашивает.

А им-то что? Для них Славка почти как родной. Расстались мы по обоюдной дури, никто не перед кем не виноват. Это ж не сестрин первый муж, который из-под венца сбежал, а потом его все равно приняли как ни в чем ни бывало. Каждый достоин того, что получает.

Может, между свободными мужчиной и женщиной никогда дружбы не получается, это я себе вру? Нет: у меня же есть друзья противоположного пола – но не более чем друзья. Хотя иным дай повод, они бы из друзей перебежали в другое качество.

– Ты-то как себя ощущаешь после его приезда? – спросила Аня.

Мы сидели на ее кухне и пили вино, закусывая полуфабрикатом пищи.

Только ей я рассказала про Славу. Несмотря на обилие друзей в соцсетях – по работе, по курсам, по тренировкам и творчеству, в период массовых помешательств рядом остаются немногие.

Мы долго не виделись. Я накрутила, что ей неинтересны мои бирюльки, когда вокруг скорбная взрослая жизнь. Она считала, что неинтересна мне с этой тупой взрослой жизнью без бирюлек. В майские праздники я сходила с ума от одиночества, душевной комнаты и злости на весь мир. Хоть бы одна сволочь позвонила, написала, в гости напросилась! Конечно, у всех семьи, дети, огороды, кошки, удаленки – зачем им я со своими книжками? Я же баловень судьбы. У нас если не жалуешься, так и поговорить не о чем, как-то неловко в России быть благополучным. Не счастливым, нет. И жаловаться грех, и не жаловаться не на что.

– Да никак. Вообще все до лампочки.

Мы обмывали мою книгу. Тираж приехал в конце апреля, а мне хотелось лежать на диване лицом к стене.

– Ну, ты теперь как настоящий писатель! – говорила мама, перебирая мои книги.

Все только «как». Наверное, даже когда у меня будет нобелевка, я буду «как». На обложке красовался Анин рисунок. Она изобразила главного героя лет двенадцать назад. Эта книга была моим спасением после расставания со Славкой. Можно сказать, она мне его заменила. Пока кто-то рядом, многие мысли просто не приходят в голову, а когда остаешься один – не с кем их обсудить. Потому и пишешь.

– Вот если сейчас бы ты у меня попросила этот рисунок для обложки – ни за что бы не дала! – сказала Аня.

– Поэтому я и не просила!

– Между прочим, это нарушение авторских прав!

– Как разбогатею – расплачусь!

На самом деле ей приятно. Успех и достижения – всего лишь отражение нашей самооценки. Почти все мои знакомые художники рисуют не пойми что, но не стесняются выставлять свои работы перед всем интернетом, да еще и продавать их за бешеные деньги. Аня же считает, что рисовать она разучилась и больше за это не возьмется – мир ушел вперед, надо планшет, фотошоп, то, се. А насколько дешевле мне обходились бы обложки, если бы я просто сканировала ее рисунки! Нет, с друзьями делать бизнес нельзя, я уже зареклась. Но попинывать этих друзей надо – им же и хочется, и колется. Внимания хочется, а открыться страшно. Я понимаю. Проходила это. Но правда в том, что миру плевать. Впервые выкладывая свои писульки в сеть, ты с замиранием сердца ждешь, что тебя закидают тухлыми яйцами или гнилыми помидорами. Но ничего не происходит. Ты не просыпаешься знаменитым, небо на землю не сходит. Так пройдет год, два, десять. Ты будешь жаждать хоть какой-то реакции (не обязательно дифирамбов!) и ломать себе голову: как еще нужно душу выворачивать, что я делаю не так?! А мир по-прежнему тебя не замечает. Отсюда апатия, страхи, отречения, самоуничтожения. Значит, ничего полезного и хорошего я не делаю, раз я никому не нужен. Начинаешь вылавливать читателей буквально поштучно, выпрашивать любовь у тех, кто рядом. Но при таком раскладе не сможешь с уверенностью сказать, читают тебя из вежливости, или ты действительно создаешь нечто стоящее и на хорошем уровне? Вероятно, им просто занятно, как их родственник или чудаковатый знакомый пытается выбиться в люди. Унизительно это, и в плане профессионального роста ничего не дает. Пробеешь бросить, соскочить, завязать – как угодно. Не получается. Ломает. И возвращаешься к истокам – делаешь для себя, только уже не в стол, а в соцсеть. Мастерство-то появилось, а про душу твою кто хотел – давно узнал. Кто не хотел – очевидного не заметит.

Вот тогда, наверное, и начнется самое интересное.

– Ну, подруга, поздравляю! – Аня многообещающе начала тост. – Признаться, даже не предполагала, что такое возможно, что это когда-то случится.

Я тоже. Первая книга Достоевского – «Униженные и оскорбленные», а первая книга Берестовой – какие-то подростковые дневники музыканта. Разве сравнишь? Так, дурачилась, выжить пыталась и руку набивала. Пустоту в душе заполняла. Два года я писала эту книгу

и мои подруги следили за моими телодвижениями. Главный герой стал частью нашей компании. Первая книга – как первая любовь: никогда не забывается и никогда не повторяется те теплота и трепет, которые ощущаешь на всех этапах работы – от создания до обнародования.

– И вот сейчас... просто не верится, событие прямо-таки эпохальное!

В соседней комнате умирающий отец, а за воротами бушует истерия из-за непонятной инфекции, слегка приправленная шашлычным ветром из соседних огородов. Прогнозируют обвал экономики, смену правительства, волну грабежей, насилие. Неясно, как и на что жить дальше. Такой вот праздник.

Да какой праздник? Собрались две тетki за тридцать, которые когда-то общались стихами, обсуждали прочитанные книги и новую музыку часами. Теперь же сразу видно, когда ты собеседнику наскучил: он лезет в телефон. Новостная лента его развлечет, бесспорно.

– И еще... надеюсь, ты меня не убьешь, – я долго думала, как ловчее начать этот разговор и где именно – лицом к лицу или в переписке, – я показала Серегину твои стихи.

– Так, кто такой Серегин?

– Руководитель творческого объединения «Ручей», – напоминаю, где Аня могла его видеть, и вскоре она вспоминает, – в общем, они ему понравились, и он предлагает тебе стать членом клуба.

Вернее, он уже ее туда зачислил. Аня и знать бы не знала, если бы я не сказала. Клуб собирается раз в месяц на три часа с пятнадцатиминутным перерывом на чай. Время выступления у каждого – не более пяти минут. Все это записывается на камеру, а Серегин потом делает видеопрезентации. Сайт есть, статьи есть, и люди убеждены, что делают благое дело. Это выглядит наивно и смешно – больше похоже на самоопыление. Самым молодым членам клуба слегка за сорок, а основная часть – шестьдесят плюс. Придя к ним однажды по наводке знакомого, я подумала, что это здорово, когда у тебя в старости есть хотя бы это. И как было бы классно, если бы что-то такое было у моей мамы. Возможно, она не утратила бы чувства времени, не впадала бы в беспамятство и по-прежнему интересовалась бы нарядами и косметикой в той степени, в которой они волнуют увлеченную и умную женщину. Прекрасно, когда есть единомышленники, круг общения, отличный от семейного – внешнее вторжение, стимул, отдушина, разнообразие. Причем, творческое окружение – это не бабки на лавке. Тут люди думающие, серьезные, пишут сильно и умеют осмыслить свой опыт. Это дорогого стоит. Просто побывать там и послушать их стихи было глотком свежего воздуха.

Я ведь и сама посмеиваюсь над волосатыми лысеющими дядьками и увядающими тетками, которые неумело притворяются юристами и маркетологами, но в глубине души считают себя поэтами-неудачниками, вынужденными делиться творчеством с себе подобными. Еще лет десять-пятнадцать, и я стану такой же. Буду читать свои прозы в этаким клубе по интересам, где каждый ждет своей очереди поразить публику. Как тосты по кругу, как анекдоты, над которыми перестанешь смеяться после пятого подряд.

Так серьезные люди и надо мной уже потешаются. У них свое дело и машина, они ездят в отпуск в другие страны каждый год или дважды. А ты гордо заявляешь, что Цой работал в кочегарке, а Настя Полева была уборщицей. Дайте мне рычаг, и всем накостыляю!

В следующий раз я уже выступила. Серегин писал, что, поскольку ведется запись и все потом будет в сети, читать надо хорошо, потренируйтесь. Я все равно недовольна собой: стихи прочитала нормально, но пояснения между ними – тихий ужас. Риторика никогда не была моей сильной стороной. Последующие встречи стали проходить дистанционно из-за эпидемии и запрета на массовые сборища. Все члены клуба присылали Серегину стихи не только в текстовом, но и в аудио формате, а видео он делал из фотографий. У каждой встречи есть тема, я решила, что два Аниных стиха к этой теме подойдут, и написала Серегину. Он оценил и включил ее в члены клуба. Попросил ее фото для статьи.

– Дан, я не верю, что это происходит, – помотала головой подруга, – это точно или я пьяная? Сюр какой-то!

– Все точно! – усмехнулась я, довольная произведенным эффектом. – Если тебя не пнуть, ты никогда ничего не сделаешь.

А только будешь ныть, что ничего не делаешь, будто все само должно на тебя свалиться, и жаловаться на пресную тупую жизнь, – этого я уже не озвучила. А ведь свалилось! В виде моего дерзновения. Мне никто никогда таких сюрпризов не делал, все приходилось выколачивать самой. Впрочем, понятие сюрприза у всех разное.

– Зашла Дана на огонек!

Мы и бухать-то не хотели и были обе кислые. Встретились, когда я, одуревшая от собственной комнаты, пошла гулять куда глаза глядели, а Аня выехала за продуктами на своем великовозрастном «мерсе». Сначала там посидели, пообщались, потом я предложила завести меня домой – книгу подарю, надо только ее забрать. Расставаться уже не хотелось – заехали за продуктами и осели в Анином доме.

– Так что к следующей теме подыщи что-нибудь сама и можешь начитать. Будет очень хорошо, – говорила я, – сама не решилась бы твои стихи начитывать, Серегин, смотрю, тоже не стал.

– Я бы твои тоже не решилась. А что до Серегина – было бы странно услышать бабские сопли в исполнении такого дедушки!

2005

«Она как солнца свет, ей девятнадцать лет...»

А мне тридцать четыре. Уже исполнилось. Поздравили, как всегда, четыре подруги, два учителя, родственники и несколько знакомых. И Слава.

Но когда мне исполнилось девятнадцать, мои мысли были заняты другим человеком. Он был полной противоположностью моего парня: высоким, тощим, длиннолицым и надменным. Интересовался магией, религией, мифологией, много и пространно говорил. Никогда мне такие не нравились – ни внешне, ни характером. До сих пор не пойму, чем он меня пленил. Я не разорвала существующие отношения, но была близка к этому. В тот год Славе было не до меня – он писал диплом. Летом у него госы и все – взрослая жизнь.

Весь тот день рождения я ждала звонка этого типа, надеялась, что он обо мне вспомнит. А с какой стати? Тогда не было соцсетей, и напомнить некому. К тому же, он знал, что я несвободна. В какой-то момент меня разозлило это рабство, будто вся жизнь расписана по нотам и никакому случаю, приключению, повороту в ней места нет.

– Ну как ты, свет мой? – поздравив меня с днюхой, спросил Слава. – Надо хотя бы вместе поужинать, как ты на это смотришь?

Я сообщила, что настроения никакого, собираюсь к бабушке, а вечером посидим с родителями.

– Ясно, – он вздохнул, – тогда завтра?

– Завтра я хотела девочек позвать, – я уже позвонила Рите утром. Тет-а-тет мы с ней общались мало – либо вчетвером с парнями, либо втроем с Аней. Последняя отругала меня, что я так поздно пригласила Риту – мол, не успеет она подарок тебе сообразить. А мне и не нужно. Правда, на редкость поганое настроение.

– Тебе же учиться надо, не буду тебя отвлекать, – сказала я.

– Да какой отвлекать!

Я испугалась, что вот-вот он скажет: это я тебе стал не нужен и прочая. Но парни до таких вещей не допирают. Ничего не сказал. Просто приехал к бабушке и потащил меня гулять, одарив концертными ди-ви-ди, своими любимыми духами и бутылкой вина с какой-то закуской.

– С собой возьмем или вернемся и отметим?

– А где мы это распивать будем? – полюбопытствовала я.

– Вот ты чудачка! всю жизнь тут живешь и не знаешь, где притулиться?

В бабушкином районе и негде. Это родительская квартира почти напротив леса, туда мы ныряли по любому поводу, но от бабушки далеко идти.

– Здесь есть яблоневый сад, я присмотрел уже, – он подмигнул мне, загрузив снедь и вино обратно в рюкзак.

Бабушка не успела предложить ему пообедать или чаю – мы выпорхнули слишком стремительно.

В мои детские годы гуляла в этом саду с большой компанией соседей и собачников. Откуда у нас было так много народу и куда все делись? Тетя Света со своим Бретом – серым шнауцером с козлиной бородкой. Подруги старших девчонок из нашего двора. Много-много людей и собак.

Штопор не понадобился – вино было в картонном пакете. Слава притащил пластиковый стаканчик и походную кружку. Она железная и ручка обмотана скотчем, чтоб не горячо было, если чай пьешь. Посеревший хвост скотча мотался из стороны в сторону от ветра, пока Слава разливал вино. Я сидела на траве и смотрела на него – хмурая и безразличная.

– Не волнуйся, щас полегчает, – он протянул мне кружку, – мне вот скоро двадцать два и ничего, жив до сих пор.

Я знала, что его не пугает взрослая жизнь. Он с пятнадцати лет где-то подрабатывал сначала летом, а потом и по вечерам после института. Удивительно, как у него на меня времени хватало.

Мы выпили за меня. Он пожелал мне хорошего настроения и смелости. Я поблагодарила и влила в себя сразу всю кружку. Над головой цвели яблони, трава резала глаза насыщенно зеленым. Все-таки дивное время! Одуванчики уже с кулак, скоро распустится сирень. Жаль, отцвели тюльпаны и нарциссы.

– Ты не волнуешься? – спросила я, когда в голове слегка зашумело.

Слава непонимающе посмотрел на меня.

– Как диплом защитишь, госы сдашь – и что потом? – пояснила я.

Он запустил руку в пакет с чипсами и какое-то время молча хрустел.

– Как будет, так и будет. Что волноваться? Достоял очередь за дипломом и получу его.

Цвет никогда не волновал. Меня больше волнуешь ты.

Я вскинула на него пьяные глаза.

– Через месяц после окончания меня официально оформят. Давай осенью поженимся?

Я потянулась к коробке с вином. Мы обсуждали это не раз. И каждый раз после интима возвращались к этой мысли. Молча, но я знала, что и он молчит о том же. И вроде как мы все решили. Только бы дождаться! Сначала моего совершеннолетия, потом его толкового трудоустройства, потом окончания вуза. Что теперь? Ждать, когда я закончу?

– Ромка с Маргошей в сентябре собираются, – он сел напротив и посмотрел мне в глаза, – можем вместе. Прикольно будет, да?

Я усмехнулась. Пожалуй, и не так затратно.

– Ты пока не забивай себе голову. Готовься, сдавай, – я поболтала вино в походной кружке.

– Да сдам, куда денусь...

Мы чокнулись без тоста. Похрустели чипсами, заели булочками. Я привалилась спиной к большому дубу, а Слава улегся в траву и положил голову мне на колени. Воздух напоен цветением и надеждами. Вино сделало свое дело – мне стало веселее и теплее. В конце концов, правда, из-за какой-то бабьей блажи я готова пустить под откос всю жизнь! Готова отказаться от любимого и любящего человека, с которым мне легко и надежно, и ради чего, ради кого? Неужто я разрушу все, что лелеяла три года, заявлюсь к этому велеречивому философу, который гвоздя забить не умеет и делает все исключительно по настроению, и скажу: милый, я свободна, я твоя! Да и второй раз – это как разогретый кофе. Была глупость в прошлом году, но благо, о ней так никто и не узнал.

Все было бы проще, если бы не вкрадчивая гадюка подозрений. Я готова была поклясться, что он выделяет меня из толпы и еще тянется ко мне. На фоне общего безразличия к низменным радостям это сводило с ума. Кажется мне или нет? Накручиваю или нет? Либо у него какая-то странная игра, свой интерес, либо банальный эксперимент. Или он вовсе ни о чем таком не задумывается? Верится с трудом после его апологии подлости, если порядочность не срабатывает. Они с друзьями любили поспорить о высоких материях.

– Пойдем погуляем, а то я засну, – Слава повертел головой на моих затекших коленях.

– Спи. Куда нам спешить?

– Ложись рядом.

Он кинул под свою голову рюкзак, а я устроилась на его плече. Куда же делись собачники? Вроде выходной, погода дивная. Неужели здесь больше никто не гуляет?

– День поселка сегодня, – Славка зевнул, – на центральной площади все. Может, тоже сходим?

Я спросила, что там интересного. Он ответил, что кто-то выступает – крутит обруч, поет песни, машет саблями, толкает речи. В общем, кто во что горазд.

– Ну, повалеемся и сходим, – я устроилась поудобнее. Правда, что я нюни распустила с утра? Шикарно ведь получилось...

На какое-то время я, должно быть, отрубилась. Просыпаться было муторно, и голова кружилась. Видимо, почувствовав свободу и холод, Славка тоже зашевелился.

– Ну что, пойдём? Я бы чаю выпил, там должны продавать.

Я махнула рукой: что с тебя взять, пойдём. Он куда общительней меня, все ему надо. День поселка какой-то...

На центральной площади не протолкнуться. Вокруг сцены, установленной недалеко от рынка, толпилась вся поселковая молодежь. Из паршивого динамика гремела эпическая музыка, а на сцене скакали облаченные в исторические костюмы парни с деревянными мечами. Интересно, Анька тут не участвует? Она этим занималась, как раз с компанией предмета моих вожделений. Называли они это то боевками, то показухами. Репетировали в ДК и кинотеатрах. У Ани были связи в обществе, ее мама – работник культуры, и у нее куча подруг в этой сфере. В последнее время у показушников испортились отношения с Аней, потому что до нее начало доходить, что ее используют. Неземные создания настроены только творить, а договариваться и пробивать должны за них другие – такие как Аня. Она это умеет и не возражает, но и творить ей тоже хотелось, а ее мнения в грош не ставили.

– Кого ты там выглядываешь? – Слава появился рядом, держа в руках два стакана с чаем.

Я машинально взяла один и перекрикивая музыку сказала, что здесь может быть Аня.

– Не признаем ее в костюме, – рассудил он.

Чай был обжигающе горячим и несладким, но после вина привел голову в порядок.

День пасмурный, видно хорошо. Я предложила подойти поближе к сцене, не сказав Славе, что я могу знать и других ребят из этой сферы. Рома и Маргоша окунались в это дело, ездили на ролевки, реконструкторские фестивали, а мы скучно жили музыкой и друг другом. Я не умела шить и не желала изображать из себя кого-то или жить в другой эпохе. Я даже историю внятную не могла придумать и персонажа прописать, поэтому в те времена заявляла, что эта банальщина уже себя изжила, а будущее за краткой и авангардной формой.

Вдруг на сцене мелькнул знакомый тощий длинный силуэт в черном одеянии. Он любил отыгрывать всяких священников, монахов, колдунов, некромантов. И кажется, у него одна эта хламида на все образы. Точно.

– Вот того парня я знаю, – сказала я Славе.

Тот угукнул в ответ и вернулся к своему чаю. Махач копиями его не слишком занимал, а что делал в этой постановке черный человек, я пока еще не поняла. Должно быть, не протрезвела. Музон гремит – что-то типа «Эпики», парни в атласных тряпках и кроссовках «Адидас» машут деревянными мечами и должно быть, это дико технично, круто и все такое. Должно быть, в этом что-то есть, но я не понимаю. Я многого не понимала в юности, а теперь понимаю еще меньше. Чем дольше живу, тем меньше понимаю.

– А, блок коряво поставил, – Славка заинтересовался происходящим на сцене.

– Ты в этом разбираешься? – хмыкнула я.

– По логике вещей.

Ой, мужики! Во всем доки, куда ни плюнь.

Черный человек кивнул мне со сцены. Я улыбнулась в ответ. Парня-то моего он помнит, но Слава его ни в какую не узнавал.

– Слав, пойдём, посидим, – я потянула его за рукав.

– Щас, досмотрю эту фигню, – он как прирос к сцене.

Черный человек пропал из виду, а через минуту смешался с толпой зрителей. К нему подошла высокая блондинка и начала что-то щебетать. Он улыбался ей и активно жестикулировал.

– Слав, пойдем отсюда, – я первой отвернулась от сцены и пошла в гущу толпы. Он не последовал за мной. Я села на парапет работающего фонтана и подумала, что это худший день рождения. Выйду замуж осенью, нарожаю кучу детей и все, иного смысла в моей жизни и быть не должно, правда ведь? Что еще остается, когда встречаешь любовь в шестнадцать...

На следующий день у меня сломался компьютер. Как всегда в мае – рефераты-курсовые, все надо. Настроение упало ниже ватерлинии, поэтому с девчонками мы выпили две бутылки вина на троих, а утром отец назвал меня пьяницей.

Рита пришла раньше Ани, и поначалу нам было как-то неловко вдвоем. Разговор скакал с Аньки на ребят и обратно. Мы сидели в моей солнечной комнате за маленьким столиком на колесиках. Был крабовый салатик, нарезка и фрукты. Анька пришла уже под шафе – со дня рождения мамы. Я старалась не думать ни о сломанном компе, ни о Славе с его предложением руки и сердца, ни о предмете моего обожания и его блондинке. Кажется, мне было хорошо и весело, насколько это возможно, когда стараешься о чем-то не думать. Девчонки обсуждали общую знакомую, с которой у Анны разладились отношения, а Рита только начала с ней общаться. Аня поражала меня то своей осознанностью, то буквализмом. При ее незаурядном уме и эрудиции, она казалась человеком приземленным. Во всяком случае, в стихах и песнях она не видела десятого дна и толковала их на редкость примитивно. Что до осознанности, она выдала фразу, которая до сих всплывает у меня в голове: замуж выйду, детей воспитаю, а когда буду им уже не нужна – монашество приму. Кажется, у нас с Марго отвисли челюсти. Вот это видение! Вот это планирование! А я не знаю, что будет завтра, как жить и о чем мечтать. Мы не обсуждали это с Ритой, но я чувствовала – ее волнуют те же мысли. У нас похожие ситуации, и это пресловутое замужество замаячило перед носом. Еще жизни не было, всего девятнадцать, а уже такая кабала!

Аня же стала рассуждать о том, какой она была бы требовательной мамой, потому что ребенка надо как можно большему научить до десяти лет, чтобы он мог выбирать. Сама она чем только ни занималась – и танцами, и шитьем, и графикой, и языками. Все ей удавалось, все до конца доводила, всему время уделяла. Только со стихами как-то не шло, и она все еще печалилась по этому поводу. И по поводу влюбленностей тоже. Зато – сразу замуж.

Для Риты фраза «полжизни отдать за» была более характерна. Признаюсь, она тоже не вызвала у меня понимания. Лишнее доказательство того, что дружба – не про понимание. Это, по сути, такая же химия, как любовь, только слабее. Мы зачем-то нужны друг другу на определенном этапе. И все дается нам на время, включая саму жизнь, поэтому я решила не унывать из-за расставаний и невозможности удержать людей. Теперь я Рите нужна куда больше, чем в юности, и смысл тут чисто практический. Во взрослой жизни именно восторженная раздолбайка Рита оказалась человеком практичным и приземленным. Это имеет мало общего с эрудицией, умением логично рассуждать и убедительно звучать. Тут скорее дело в смелости и быстром принятии правильных решений. Риту этому научило материнство.

Тогда же мы ничего этого о себе не знали. Нам было по девятнадцать, мы учились на втором курсе и кажется, до конца вуза можно было и не волноваться ни о чем, но...

– А пойдемте погуляем? – предложила я.

Погода чудесная. И мы по привычке пели песни «Арии», хотя, как мне казалось, Марго этого стеснялась. Прохожие на нас косились, мальчишки что-то кричали, а пьяные дядьки недоумевали, но отвешивали комплименты. Утро понедельника наступит только завтра, а дома еще есть бутылка вина.

2020

Брюс Дикинсон пел о «перемене сердца». До сих пор не ведаю, как перевести это красиво, но мысль я, кажется, уловила. Быть может, ошибаюсь. А дальше все грустнее «Скорпы», в обновленном на тот момент звучании, пели о том, каким холодным стал бы мир без мечтателей вроде тебя. Тему продолжали Aerosmith, а дальше...

– Мне она всегда нравилась, – Слава увеличил громкость на песне Элтона Джона You'll be blessed, – а ведь не положено, правда? Он же не рокер и вообще голубой!

Я расхохоталась. Интересно, много ли у нас таких тайных любимых песен?

Мы сидели в его машине и слушали мою подборку. Я не могла пригласить его к себе, а у него в этом городе нет собственного дома. На улице слишком холодно и дождливо, чтобы гулять.

– Одуванчики такие огромные! Никогда не успеваю налюбоваться этим временем – оно так быстро улечивается!

Мне всегда казалось, что май слишком ярок для меня. К моим упадкам духа скорее подошел бы ноябрь или март, но теперь я передумала: они бы на меня еще больше тоски нагнали, тут хоть красота вокруг и ароматы дивные.

Как-никак у меня день рождения, а мне даже некуда деть старого друга. К родителям? – одно дело за сараем, другое дело – в комнату. В свою подростковую, эклектичную комнату. Плакатов там поубавилось, но гробы-колонки и одноместная кровать говорили обо мне больше, чем слова. Да и как мои к этому отнесутся? В качестве кого он пришел? Зачем вы встречаетесь?

– А это кто, «РЭМ»?

– Нет, Фил Коллинз.

Он тоже не потрудился сказать «ар-и-эм», такой же ленивый как я.

– На самом деле, мама была бы рада тебя видеть, – сообщил он через минуту.

Я спросила, как она. Он ответил, что все, слава Богу, хорошо. Стинг интеллигентно вернул свою сердечную песню (Shape of my heart).

– Слав, скажи... – я повернулась к нему насколько было возможно, – если бы не карантин, ты бы уже уехал?

Он молча глядел, как ползут капли дождя по стеклу. Сумрачный день из серого превратился в свинцовый с отблеском синевы.

– Ты не представляешь, как все изменилось после нашей встречи, – промолвил он, наконец, – да и эта эпидемия вскрыла многие нарывы, прояснила многие загадки, сообщила правду о людях. То, что казалось важным, обернулось пылью. Не знаю, что сказать. Мир уже не будет прежним. И глобально, и локально.

Я услышала его. Так же мне думалось и про песню Дикинсона – передать не могу, но смысл поняла.

– Мой мир тоже не будет прежним. И это не возвращение, хотя в первые минуты мне так казалось. Возвращение в прошлое, лет на пятнадцать назад. Но нет, туда нам уже не вернуться. Все равно будет по-другому.

Он вздохнул, а я поспешила объяснить:

– Не в смысле у нас что-то будет... в смысле... просто, будет... у меня, у тебя, неважно. Может, кризис дня рождения? Такая невнятная цифра и такой же страх, как в юности. Хочется на что-то опереться. На время, когда была счастлива с учетом пройденного опыта, что ли...

– Я понял, – он усмехнулся и опустил глаза, – А почему не у нас?

Тишина.

– Ты разве не думала о нас? – он положил руку мне на колено.

Как я могла не думать? Ни о чем другом и думать не могу с тех пор, как увидела его.

– А как же грабли? Одна река и прочее?

– Грабли... грабли – это сурово! – он рассмеялся.

Rasmus заблеяли Sail away, и Славка возмутился: что, мол, они тут делают. То же, что и Элтон Джон. Будь я одна, лежала бы на полу в своей комнате и редела. А с ним смешно слушать самый депрессивный депресняк.

– Жизненный опыт – это когда наступаешь на грабли, а ты уже в каске! Подумай, подумай.

Я поинтересовалась, что думает он. Было бы логично завести про разность наших жизней, про кучу прожитых отдельно друг от друга лет, про разные города, наконец, про старые обиды. Но все это казалось таким несущественным, таким пошлым, надуманным и мелким на фоне надвигающейся неизвестности и угадываемой за ней катастрофы. Может, это просто страх? В моем случае вполне понятный бабий страх одиночества, нищеты и старости. А он? Чего боится он? Тяжелые времена одному пережить проще, когда ни о ком душа не болит. Война со всех сторон, а я опять влюблен... что ты будешь делать? – звучал в моей голове «Сплин».

Но на этом диске русскоязычных нет и тему сердечности и мечтательности продолжили Forgive-me-not.

– Ты какая-то нервная и мрачная, – заметил Слава, – впрочем, ты и в юности особой веселостью не отличалась, но ребята мне говорили, что ты изменилась. Полюбила яркие цвета, стала иначе одеваться.

Я пожалала плечами – мол, да, было такое, и до эпидемии, до этой непонятной ситуации у меня были какие-то планы и надежды. Не скажу мечты – они давно превратились в цели и их просто достигаешь. Теперь же и на работе не поймешь что, и с личным все глухо, и книги мои как были нужны только мне, так и остались. А жизнь проходит. Кто знает, сколько времени осталось...

– Да брось ты! Пусть другие помирают, а ты даже не думай об этом.

– Я всегда чувствовала, что времени мало и мне надо многое сказать. Поэтому я написала впрок – можно теперь заняться изданием. Ну да ладно, это все ярмарка тщеславия и вопли выжившего ребенка.

Он спросил, что с работой – ведь работаю я в Минздраве и на нас эпидемия должна повлиять благотворно. О чем мне волноваться?

– Сейчас врачи вновь стали героями, им платить надо и много. А простых сотрудников сокращают. Боюсь, попаду. И на что тогда жить в этой новой квартире? Ой, Слав, я наспигована страхами под завязку! Я всего боюсь... никогда бы не подумала.

– Чего же еще?

Этот вирус многие иллюзии развенчал. Особенно иллюзию безопасности. Безопасность якобы обеспечивают деньги. Пока есть работа – все будет хорошо. А чтобы работа была всегда, надо делать карьеру, быть нужным. И где-то в интернете есть счастливые люди, которые вышли из говна и теперь живут в Майами, зарабатывая сколько-то там миллионов в год и за умеренную плату готовые всех этому научить. Ведь хорошо же иметь просторную квартиру, заниматься любимым делом, а не таскаться на каторжную работу; хорошо дать лучшее образование детям, носить одежду, которая действительно нравится. Все это хорошо, и я в какой-то момент поверила. Считала себя неудачницей, потому что этого в моей жизни нет, и стала внушать себе и людям, что все можно изменить, главное – захотеть. Но вот одна бактерия – и мир остановился. Где работа, где деньги, да и кому теперь нужны тряпки, если некуда пойти? А лучшее образование – если не знаешь, что будет завтра и как жить дальше? Радует, что есть сбережения и хоть год или два можно прожить на них. Копила я на ремонт в новой квартире. Моей квартире. В городе, чтоб на работу удобнее было ездить и перед друзьями не краснеть, что

с родителями живу. Теперь все резко утратило ценность. Все это кажется таким пшиком, таким фуфлом!

Может быть, у людей в интернетах есть капиталы во всех банках мира, может, и карантин легче пережить в большом доме, чем в крохотной квартире, может, онлайн-бизнес по-прежнему приносит доход, но эти люди где-то там и я больше им не верю. Где-то здесь есть одинокая мать, у которой вот-вот умрет отец, и она останется одна в огромном старом доме. Где-то здесь и многодетная мать, у которой ребенок болен ДЦП, и она попросту забыла о своей жизни и своих желаниях. Еще одна мать с двумя пацанами осталась одна на библиотечном жаловании. И еще одна – тоже с двумя – на детсадовском. Инвалиды с высшим образованием, вынужденные работать на квотированных местах за унижительную зарплату. Вдовы, посвятившие себя любимому делу, которое перестало приносить доход, а накоплений не было – только сдавать металл, что у мужа в гараже завалился. Бездетные старухи. Вот какие люди меня окружают. Работая в Минздраве, я видела тысячи жаждущих и страждущих, и почти всем нужны хорошие врачи и качественные лекарства.

– Сейчас всем страшно, – резюмировал Слава, – даже одиноким мужчинам, которым нечего терять. Зато мы вновь почувствуем вкус жизни и научимся ценить здоровье и свободу передвижения.

Я кивнула. В конце диска остались только женские голоса – Nightwish, Celtic spirit, Милен, Селин.

– Это песня из «Титаника» что ли? – он рассмеялся.

– У меня тоже есть свои секреты, – главный заключается в том, что я над ней постоянно реву. То ли голос такой мощный, то ли текст, то ли музыка нервы щекочет. Наверное, все вместе.

– Вижу, ты в соцсетях постишь «арийское» старье, сам с удовольствием посмотрел. Жалел, что без тебя.

– Я бы тоже хотела посмотреть это с тобой.

Я скучаю не по себе-подростку, не по старым добрым временам. Я скучаю по себе счастливой. По той, которая верила, что все впереди и все будет хорошо. По той, которая не боялась жить и для которой не существовало неопределенности. До института было еще далеко. «Ария» еще не распалась. Друзья рядом. Родители молодые. И каждый день подарок, ожидание чуда и вера в то, что это чудо непременно случится. Я скучаю по той себе, которая умела так ярко чувствовать и так бурно радоваться, в дневнике которой частоколом стояли восклицательные знаки. Я скучаю по себе нужной и любимой. По себе беззаботной. Вопрос денег меня не касался и, возможно, для дальнейшей жизни было бы лучше, если бы я еще подростком начала работать. Определенно, я бы ценила деньги, умела бы зарабатывать. И теперь не скучала бы по той, которая во всем этом не нуждалась... или все равно скучала бы, потому что в шестнадцать лет любой опыт впечатывается навеки лишь потому, что он первый.

– Слав, если бы не ты, я не знаю, как жила бы, – быть может, зря я? Ведь мы уже чужие люди, между нами пропасть лет, а я говорю с ним так, словно мы только вчера попрощались, – я не верила, что в моей жизни будет что-то хорошее. И вдруг снова увидела тебя и осознала, как много уже было, а я не умела ценить. Наверное, большего мне не причитается.

Он, конечно, стал вправлять мне мозги – мол, что за глупости, ты молода и красива, все эти нагнетенные страхи пройдут вместе с эпидемией и все станет как прежде. И не такое переживали – чума, холера, войны, а уж как нашему народу досталось, да как тебе не стыдно!

– Мне кажется, это и есть война. Просто раньше все было ясно, а теперь – все это к чему-то идет, и все это чувствуют. Если раньше мы жили ради светлого будущего, верили в это – хотя бы наши родители, если уж не мы, то теперь всем очевидно, что дальше будет только хуже. Даже дети это понимают. А потому ничего не хочется, ни в чем не видишь смысла. Тем более, когда настоящим жить не дают. Человечество устало.

– Это ты начиталась всякого шлака в интернете, – отмахнулся Слава, – оппозиция и прочее, многие недовольны. Это справедливо. Но давай решать проблемы по мере их наступления. Раньше ведь ты так и делала, откуда вдруг паника?

Он улыбнулся и пристально посмотрел на меня. Стало легче и теплее.

– Ты всегда готов был ринуться в бой за правду – с чего вдруг стал таким конформистом?

– Я не стал, – он усмехнулся, – просто не вижу смысла себя накручивать. Прибереги энергию, когда надо будет что-то решать и действовать. Пока отдыхай. На самом деле, для многих это спасение. Я и сам понял, как умотался.

Мы работаем теперь с десяти до семи и научились дышать ушами. После перчаток весь вечер кажется, что руки чем-то воняют. Я бы и рада отдохнуть, но не так, чтобы сидеть в четырех стенах.

– Ладно, давай не будем об этом, – предложил Слава, – моя мама телевизор смотрит бесперебойно и потом начинает на меня все это выливать. У меня уши набухают, мозги уплывают, а она меня ругает, что я ни во что вникать не хочу.

Это на него не похоже.

– Как видишь, наша встреча и на меня произвела сильное впечатление. Стало не до ерунды всякой.

Хороша ерунда – жизнь и здоровье. Впрочем, мне тоже не до этого. Если раньше думала – заболеешь так и сдохнешь быстрее, не за что цепляться. А теперь в хорошее верится. Не надо ставить крест на своей жизни – вдруг что-то еще ждет за поворотом?...

2003

Полжизни назад я получала медаль в кинотеатре «Родина». Серебряную медаль, потому что «четверка» по математике и поставили мне ее умышленно, дабы я не ездила писать работу в чужую школу, где никто не поможет. В нашей же помогли буквально все и сочинение по литературе за меня написали. Нет, не потому, что я тупица, я и сама написала – сидела там с девяти утра до трех дня, лопатила тома «Войны и мира». Просто требования, которые предъявляли к работам медалистов, мягко говоря, не соответствовали жизненному опыту и мышлению семнадцатилетнего человека. То, что он отличник, не делает его ни философом, ни пережившим холокост.

Полжизни назад был один из самых счастливых дней моей жизни. Это какая-то стадионная фигня, когда играет светлая музыка, все нарядные и завершается важный жизненный этап. Невольно начинаешь проникаться. Помню такое же – пять лет спустя на церемонии вручения дипломов под Ванессу Мэй. Куда там! Аж слезы на глаза наворачивались. В семнадцать я, конечно, не была такой циничной и думала, что счастлива без всяких манипуляций. Быть молодым, быть влюбленным, быть в Париже. Впрочем, и первых двух пунктов хватало.

На вручении медали ко мне подошла девушка с завитыми светлыми локонами и в кремовом платье.

– Дана, ты, должно быть, не помнишь меня. Люда Вержиковская, мы в садике вместе были.

Да, за десять лет мы здорово изменились, надо полагать. Люда меня бы тоже не узнала, но услышала мое имя. Я удивилась, что упустила ее фамилию – такую не забудешь.

– Ее, как обычно, исковеркали, – махнула она рукой.

Телефон у нее не изменился. Когда мы были детьми, я звонила ей, и мы о чем-то болтали. Люда была очень умная и старательная. Мы не только в садике вместе были, но и в первом классе школы. Все у нее было в образцовом порядке, каждую букву она выводила, как японский иероглиф, но отличницей по итогу года почему-то стала я, а не она. Хотя учеба давалась мне тяжело, и я все делала левой ногой. Почему так? Впрочем, и сейчас замечаю такую тенденцию: один дурью мается, поет под караоке на камеру и собирает лайки, а другой из последних сил пытается откопать в себе талант и трепеща записывает на видео монологи, которых совершенно не чувствует – и, разумеется, в ответ тишина. Однако порой трудолюбие перевешивает талант – такие истории мы тоже знаем. Иногда мне кажется, у меня так с писательством. Нет жизненного опыта, фантазии и любви к людям, есть только хорошая память и крепкая задница. Я не самородок, я пахарь. В других областях могла бы добиться большего, но мне это неинтересно. Все, что дается легко, меня не занимает.

Итак, Люда. Я уже фантазировала, как позвоню ей и предложу встретиться – хоть в том же «Прокофий». После стольких лет, просто не верится! Посидим, поболтаем. Как у нее складывается жизнь?

Однако после телефонного разговора стало ясно, что встречаться нет смысла. Поговорили сухо, мне тяжело было привыкнуть к ее быстрой речи. Она собирается поступать на математический, училась в самом казарменном лицее, где люди могли купить медаль, а потом проспать ее вручение. Я слушала ее и чувствовала себя инопланетянкой. Чего-то я не понимаю в этой жизни, засиделась в своей деревне.

Она тоже не предложила встретиться. О чем нам говорить?

В тот день в конце июня Слава сдавал какой-то суровый экзамен по химии. Третий курс, не хухры-мухры. Он, естественно, хотел присутствовать при эпохальном событии, но не смог. Да и что бы он там увидел? Меня в вельветовых штанах и фисташковой блузке? Я наотрез отказалась от выпускного платья. Каждая девочка была одета на две зарплаты. Наверное, так

на собственную свадьбу не нарядишься. Меня же мама подкрасила, волосы, отросшие до середины спины, я собрала крабиком на макушке и вместо приличных туфель, которых у меня не было, надела демисезонные черные ботинки.

Еще нам вручили билеты на рок-фестиваль, имевший место в тот же вечер. Билетов на одну персону целых шесть – видимо, не жаждали горожане его посетить.

Домой я возвращалась одна, после того как мы с мамой попили чая в «Прокофе», и она уехала на работу. Я стояла всю дорогу в душном автобусе, который еле тащился по пробкам, поэтому домой пришла слегка одуревшая, но счастливая. Переделась в «арийскую» футболку и черные бриджи, что-то съела и позвонила Славе.

– Давай Риту и Рому на фест позовем. Сходим, раз уж билеты халявные?

Слава был в ауте после экзамена и никуда не хотел – разве что со мной повидаться, тихо поваляться и послушать музыку.

– Ну, солнц, у меня сейчас такая жажда деятельности!

– Проще говоря, эйфория, – он рассмеялся, – ладно, давай я Ромке позвоню, он вроде уже сдал. Если они с Марго согласны, пойдём.

Я предложила Аню взять. Это было Славе безразлично – только парня для нее нет. Вот уже год не могут найти – на их факультете их полно, но почему-то Ане никто не люб. Показывали ей ненавязчиво кандидатов, и она многим нравилась – она, в отличие от нас, пацанок, похожа на нормальную женщину. Но все мимо кассы. Любовь ей подавай, чтоб крышу сносило и кишки выворачивало. Книжек читалась.

К Ане я пришла с чипсами, сухарями, колой и гитарой. Играть мы не умели, но таскали СДГ с собой везде. СДГ – это «сранный дедушкин гитар», как назвал это чудо один блогер. Бутылка водки на авито или две тыщи за новье. Тогда же компьютер был только у Ани, интернета не было ни у кого, а что такое блогер, мы понятия не имели. Может и не существовало их тогда? В общем, некому было открыть глаза на наши эксперименты, но мы возомнили себя творческими людьми и мечтали о группе. Мне это казалось смешным, но я помалкивала – и так скучная. Инструментов нет, играть никто не умеет, зато уже решили, что делать с доходом и в чем выйти на сцену Лужников.

Анина мама до сего момента не видела меня такой светлой и энергичной. Сказала, что я их тоже зарядила и порадовала. На концерт подруга идти не хотела, но я уговорила – что дома-то киснуть? Пятница, вечер – выползи, пообщайся.

– Опять сватать меня будете?

– Не будем! – пообещала я. – Славка сказал, что кавалера для тебя не найдется, так что расслабься.

– Ну ладно. Тогда пойдём.

Мы встретились с парнями и Ритой возле моего будущего института. Предварительно я купила пива и еще сухариков и чипсов.

– А может ну его, этот провинциальный рок? – зевнул Рома. – пойдёмте в лес и все там сожрем!

На дворе почти девять, самое время по лесам шляться. И мы пошли. Хорошо хоть гитары не поперли. В запущенном парке, который парни называли лесом, приземлились мы на бревно и стали мечтать о группе, треская сухарики и запивая их кто колой, кто пивом. Больше всех мечтали парни и Рита. Я хоть играть умела, правда, мое пианино никуда не транспортируешь. Ромка недурно терзал гитару и даже разорился на электрическую. Но что в этом прекрасном дуэте будут делать оставшиеся трое? Слава не считал нужным натирать мозоли на пальцах, а поет он посредственно.

– Зато тексты у тебя классные, – воодушевлял его Рома.

– Держи мои тексты, а на репбазе я лишний.

Где еще репбазу взять? Может, в подростковом клубе, где работает Анина мама? А может, у меня дома, где есть пианино и родители не против?

– Шикарные они у тебя, – заметил Рома, – только вот с твоим фоно акустику вообще не услышишь...

Я видела, что Ане было одиноко, хотя мы со Славой не обнимались, и Рома с Маргошей поминутно не целовались. Мы были сдержаны и воспитанны на людях.

Рома играл свои песни, и это было очень красиво. Жаль, если пропадет.

Мы с девчонками засобирались домой в половине одиннадцатого, когда транспорт в нашу тьмутаракань уже перестал ходить.

– А может, ты останешься со мной? – шепнул мне Слава, когда мы шли через лес на остановку. – Мама уехала в поездку.

Сердце учащенно забилося. Это назревало, должно было случиться. Он никогда раньше не намекал и не предлагал, что меня и удивляло, и радовало. Но вот так сразу, сегодня... я не готова, да и как это будет выглядеть? Все ж догадаются. Все слишком очевидно.

– Нет, милый, давай подождем... – я пульнула многозначительный взгляд на шедших впереди Рому, Риту и Аню.

Он кивнул и ничего не ответил.

2020

Мне раньше не доводилось прощаться с домом навсегда. Я только приезжала из родительской квартиры в бабушкину и обратно, и всегда кто-то оставался то тут, то там. Теперь же квартира, в которой прошли самые счастливые годы, уходит из моей жизни насовсем. Я хотела проститься. Сестра привезла меня – заодно помогу ей перетаскать родительский хлам. Одних книг столько, что в бабушкиной квартире не помещаются.

– Еще завтра посуду привезу. Может, себе чего возьмешь? Там сервиз «Мадонна», если помнишь.

Помню. Но куда мне одной этот сервиз? Да еще с супницей, которой мы ни разу, кажется, не воспользовались.

Вместо трогательного момента мной овладело бесчувствие. Квартира завалена хламом, мешками, наполовину упакованными вещами, а те, что в процессе, валяются где попало. Под ногами путается навязчивый и вездесущий шпиц, тихо следит за нами взглядом британская кошка. Кухня, которую я заказывала пять лет назад, думая обосноваться здесь навеки, до сих пор как новая, в защитной пленке. Лаковый паркет и деревянные двери, обои, которые за двадцать пять лет не полиняли и не отстали от стен, выглядят так, что никакой современный ремонт с этим не сравнится. Но здесь уже давно нет меня, а родительское присутствие выветрилось лет десять назад. А ведь когда-то мама покупала картиночки для стен, кашпо и коврики. Я играла в куклы, зимой – в кладовке, а летом – на балконе. Там не было ничего лишнего и мне хватало места.

В комнате, которая теперь принадлежит племяннику, я написала первые два романа и отметила 18-летие с друзьями. Сколько теплых вечеров провели мы там с Аней и Марго! Сколько разговоров переговорили со Славой. В этой квартире почти беспрерывно звучал хэви-метал, и мы с Аней отрывались, роняя горшки с цветами. Здесь тонкие панельные стены, громкие соседи, сквозняки, потопа, ветер с южной стороны, ржавая вода и футбольное поле под окнами. По весне воняло женой травой и слышался ор пацанов, играющих в гольф жестянками и заборными штaketинами.

Вспоминается только хорошее. С пяти и до двадцати трех лет – целая жизнь или огромный и значимый ее кусок. Наверное, на мою долю и так выпало много счастья, больше не полагается. Жизнь идет вперед без меня, мне остается лишь творческая отдушина, нужная только мне, чтоб не спиться и с ума не сойти. Но сейчас об этом не думается.

Я никогда не замечала, что в ванной серый кафель – он казался мне голубоватым. С этим уже легче прощаться, хотя мебель мы не забираем – квартира не кажется голой и безликой.

Почти на всех, кто имел глаза, она производила впечатление. Когда ко мне ходили репетиторы, одноклассницы и друзья – все заглядывались. Кто молча завидовал, кто что-то спрашивал. У вас такой большой «Сони»? У вас есть музыкальный центр? А зачем на потолке руны? Отец вложил, что и говорить. Мы были впереди планеты всей, а я не замечала, как у других. Я приходила к людям, а не к стенам. Зато теперь стала обращать внимание и на обшарпанные полы, и на сморщенные обои, и на грязные окна. Атрибут взрослой жизни?

Помню, одноклассница, с которой мы какое-то время тесно общались, привела меня в дом своей подруги. Звали ее Галя. Нам было по четырнадцать... январь, зимние каникулы.

– Мама Галина работает с утра до ночи и отчим у нее богатый, – тарaxтела моя спутница, пока мы пробирались через сугробы, морщась от солнца, – но домина шикарный, щас увидишь!

Если бы она не обратила мое внимание, я бы и смотреть не стала. Дом действительно огромный, а живут там только Галя, ее мама и отчим. Галя пригласила нас на уютную кухню, где работал телевизор и шел сериал с Андреа Дельбока. Мы тогда смотрели «Дикого ангела», но он еще не начался, поэтому мы и не замечали фонового шума.

Галя угостила нас чаем с абрикосовым вареньем, которое, как оказалось, делала сама. Четырнадцатилетняя девчонка! Я до двадцати двух к плите подходила только, чтоб бэпэшку залить кипятком.

– Мамка ее заставляет пахать как Золушку, – пояснила на обратной дороге одноклассница, – сама-то вкалывает, ей некогда, а Галька весь этот дом драит, готовит все сама и не жалуется!

Галя была молчаливой носастой девочкой, от которой никаких жалоб и не ждешь. Несколько лет назад Аня видела ее в автобусе. Галя развелась с мужем и сделала неплохую карьеру юриста.

– Давай вот эти мешки возьмем.

Я, сестра и племянник схватили какие-то мешки и потащились к машине. Сестра весь день мотается по магазинам, строит рабочих и вызывает сантехников и газовщиков. Сто шестьдесят восемь сантиметров роста и сорок восемь килограмм веса, в рваных джинсах, стоптанных кедах и нейлоновой куртке, как девочка-подросток. Стоит ей появиться в комнате, кроме огромных карих глаз и улыбки Джулии Робертс ничего не видишь. Внешность обманчива! Кто бы мог подумать, что ей надо было родиться мужиком...

– Следак бы из нее получился первоклассный, – сказала мама, – не в пед ей надо было поступать, а на юридический. Она бы до каждой запятой докопалась, всех бы за горло взяла, из любого душу вытрясла бы. Хотя, может, застрелили бы... она ж ответственная и бесстрашная.

Я восхищаюсь ей. И понятно, почему сбегают мужики – не дотягивают. Сейчас они не каменная стена, а сплошной гипсокартон.

Первым, что я купила для будущей квартиры, были туалетный ершик и мыльница. Строители оставили там мыло, подобранное под цвет плитки в ванной, и полотенце. Сестра повезла горшки с цветами, к которым я всегда была равнодушна. Папа с горем пополам собрал двуспальную кровать, в углу примостился пеналообразный книжный шкаф, в который я уже начала ставить любимые книги. Боюсь, всем не хватит места, хотя я всегда считала, что книг у меня мало.

Прессуют везде. Работу переводят в онлайн формат, и я уже настроилась на увольнение. Мной овладела такая апатия, что захотелось высказать начальству все накопившееся за эти годы, все что думаю о них нелестного и уйти, громко хлопнув дверью. Ищите другую дуру, которая будет за такие гроши работать! Но времена тяжелые, а одинокая жизнь предполагает плату по счетам.

Мой престарелый виндоус и комп-ветеран не тянут онлайн.

– Значит, надо технические вопросы решать! – настаивал менеджер в телефоне.

Мозги стали раком: то ли виндоус переставить, то ли купить ноут. Изначально я хотела дожидаться переезда и уже на новом месте настроить интернет – возможно, на новом компе. Но переезд откладывается, а работа ждать не хочет.

– Надо тебе помочь, – вызвался Слава в ответ на мои стенания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.